

Р 2010
3131к

ДЖУБАН МУЛДАГАЛИЕВ

Песня

НЕ УМИРАЕТ

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Литература

ДЖУБАН МУЛДАГАЛИЕВ

Песня

НЕ УМИРАЕТ

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы

АЛМА-АТА · 1957

ПЕСНЯ НЕ УМИРАЕТ

1

Садятся спокойно друзья по местам.
Зал полон уже — тесно сделалось там.
Пришли земляки, чтоб послушать поэта,
И ждут, что сейчас он появится сам.

Но где же поэт? Не пришел? Почему?
Вон стул, что давно приготовлен ему...
Тогда-то стихи загремели по залу,
Со сцены свободно летя в полутьму.

— Кто станет искать в этом зале меня,
Пусть сделает стих мой полоской огня,
Узоры стихов моих тихо раскроет,
Найдет мою тайну, в душе сохраняя.

Пусть ищет. Пускай, не склоняясь, идет
Мой стих, он окупит дорожный расход, —
Так молвит поэт, нет которого ныне,
Словами души поднимая народ.

Стихи, за собою ведя нас в грозу,
Взмахнули крылами... Пожары внизу.
Суровое время, военное время.
Жена у окна вытирает слезу.

И песня, и шутка, и мудрый наказ —
В последнем письме, что пред нею сейчас.
Глаза ее черные жадно впивались
В те строчки глухими ночами не раз.

А как же поэт? Что известно о нем?
Ведь весточки нет вслед за этим письмом.
И даже письмо оробело, смешалось,
Не в силах открыто сказать обо всем.

Стиха был неистов и яростен путь,
И он одиноким казался чуть-чуть,
Но вызвал в сердцах он гудящую бурю...
Зал жил и дышал, как единая грудь.

Направлены взоры на эти следы,
Туда же сердца — средь огня и беды.
Уходят они в темень грозного года,
В ту первую осень военной страды.

2

— Рассвет или ночь? Не понять — тишина.
Зачем мы лежим так? И речь не слышна.
Да, кажется, впал я в тяжелую дрему...
Наверное, крепко устал я без сна.

Не дьяволы мы, что умеют не спать, —
Хотел он, смеясь, пробудиться и встать.
Но словно зрачки его были без света,
А смех, пробуждение — лишь в мыслях опять...

Тут мысли его обрываются вдруг,
И мрак воцаряется снова вокруг.
И, словно часы, где завод неисправен,
Бьет сердце неровно, и слаб его стук.

Оно еще бодрствует, живо оно.
Считать ему горькие муки дано.
А все остальное убито врагами,
Беспомощно тело — ему все равно.

— Но нет, то не смерти ползущая весть,
Так, сон беспокойный...

Ведь гнев еще есть.

Я знаю, что мне еще много бороться, —
Жива и любовь, и упорство, и месть.

И, словно раздвинув неведомый мрак,
Вновь мысли проснулись, отбросили страх.
И сердце забилось и затрепетало,
Тоскуя о новой борьбе и стихах.

«Пока не вступил я в последний свой бой,
Писать постараюсь ценою любой.
Вставай-ка, Муса, хватит ныне валяться!
Перо мое где? Совладею с собой!»

Но тут же покинули силы его.
Ведь встать — это только желанье всего.
Суставы немеют, и кости разбиты,
И снизилось небо, упав на него.

«Что это со мной? Наяву иль во сне?
Где свет? Хоть бы шелка какая в окне!
И что это медленно давит на плечи?
Друзья, объясните, пожалуйста, мне!»

Но нет, не звучат, не слышны голоса,
Кругом мертвецы, немоты полоса.
Но вдруг, словно луч озарил его память, —
И все, что случилось с ним, понял Муса.

... Тот бой был жесток, длился много часов,
Средь вязких болот и дремучих лесов,
Туда и сюда колебалась удача,
Качаясь, как зыбкая чаша весов.

Втянула трясина, подняться не мог.
Обрызганы кровью союзки сапог.
Да, каждого сына шаги измеряла
Земля. И дымился любой бугорок.

Отчизна в последний увидела раз,
Как сын ее бился с врагами в тот час,
Как, землю свою защищая, сражался
Поэт и солдат, слыша Родины глас.

Взметнулся огонь, задрожали поля.
И вздох испустила родная земля.
И все закружилось тогда перед взором.
Высокая рухнула башня пыли.

Весь мир закрутился, как в поле метель,
Как где-то, в далёком краю, карусель.
Подумал: «Не танцы ли смерти все это?»
И мысль прервалась, и растаяла цель.

И жизнь потеряла свое волшебство,
Мир сделался тусклым, в нем нет ничего...
В плену началась среди мук и страданий
Поэма о жизни и смерти его.

3

Осенние, страшно холодные дни,
Цепями всех пленных сковали они.
А ночь нарушает покой ненадежный,
Нет ночи без смерти. Ночь смерти сродни.

Муса возле смерти провел много дней,
Ночами он тоже встречается с ней.
Дни тянутся долго. И дня не проходит
Без пыток, которые смерти страшней.

Он гневный стоит, вспоминая бои,
И взоры к врагу обращает свои.
Напротив, в лице поминутно меняясь,
Жандарм восседает с глазами змеи.

Фашистского «рая» скрипучую дверь
Открыв, он уже закрывает теперь.
«Помиловать» он предлагает порою,
А то осыпает ударами, зверь.

— Тебя воскресили мы в эту войну,
Мы рану лечили твою не одну.
Оружие фюрера победоносно,
Избавит твоих и детей и жену.

Для парня, коль благонамеренный он,
Запомни, достойных путей — миллион.
Дается оружие сейчас мусульманам,
Татары составят один легион.

Татарская будет газета. Да-да.
Писать ты стихи свои будешь туда.
Пусть бывший поэт-комиссар у нас служит,
Вот все, что нам нужно.

Пустяк, ерунда.

Смеется Муса, слов наслушавшись тех,
Как будто бы шутит с ним враг без помех.
И хмурит фашист свои куцые брови,
Таращит глазенки—мол, что тут за смех?

Забегали глазки со злобой большой
По пленному и по решетке стальной.
Фашист утомлен этим долгим допросом
И явно уже тяготится Мусой.

Измучен Муса, исхудал и устал,
Но держится прямо, и в сердце накал.
Стоит и глядит на врага свысока он,
Уверен, спокоен и тверд, как металл.

Суровы глаза, и в глазах не зрачки,
А словно пылают огня язычки.
Нет, то не огонь.

То свинцовые пули,
Что насмерть разят. Их пути далеки.

Внакидку шинель, что в пыли и в золе,
И кровь запеклася на левой поле.
Играет в усах у Джалиля усмешка, —
Он словно орел на высокой скале.

— Оружье мне дашь — я тебя сокрушу,
Уж я не промажу, всю волю вложу.
Вручишь карандаш — и тогда постараюсь, —
Тебе эпитафию я напишу!..

Дверь «рая» захлопнул молодчик, спеша,
И вмиг заиграл, кулаками круша.
— Пощады проси, если смерти не хочешь,
Иначе расстанется с телом душа.

— Здесь нету души моей, знай наперед,
Душа далеко, ей владеет народ.
Мой славный народ, что велик и бессмертен.
И я не умру, коль народ не умрет.

— Умрешь, — враг ему отвечает рыча.
И сыплет и сыплет удары сплеча.
Смеется Муса, хоть и свалится после,
Опять ни о чем не моля палача.

4

И год 43-й настал за окном.
Снегами покрылись пространства кругом.
И саблю зима наготове держала, —
Она лютовала над пленным стихом.

Томились стихи, — в жизни радости нет,
Мечтали увидеть сияющий свет.
Мечтали они получить от народа,
Что песни так любит, — далекий привет.

Желтеет исписанный тонкий листок,
И нету дороги ему на восток.
Грозятся его уничтожить бураны
Затем, чтоб народ его видеть не мог.

Неужто тот стих, что не слышал народ,
Всего трех мушелей¹ достигнув, умрет?!
Но ведь соловей, для свободы рожденный
И в клетке, случается, тоже поет.

Но движется время, как будто пешком,
Годами нагружено, словно мешком.
А солнце то всходит, то снова заходит,
Горит горизонт за неблизким леском.

А в лагере мрачно. Доносится стон.
Тот лагерь пожаром еще пощажен.

¹ Три мушеля составляют 37 лет.

Оправился стих и окреп понемногу,
И к ритмам иным направляется он.

И найден тот ритм за железом дверей,
(Дни мчатся над миром быстрее и быстрее).
Нет, он не один. Если надо, поддержат.
Но кто из сидящих с ним вместе людей?

Кто силу вселяет средь каменных стен,
Быть может, товарищ по имени «Н»?
А, может быть, это отчизна родная?..
Муса не сказал, ибо плен—это плен.

Лишь песни поет он, в такт пяткой стуча,
Татарские песни, чья кровь горяча, —
О подвигах, юности славной и тайнах
Джигита, что клялся на стали меча.

«Чем быть мне султаном в чужой стороне»..
Такие слова невзначай в тишине
Взлетали. И тяжело вздыхали иные,
Любя и тоскуя, сгорая в огне.

Но «нету до этого дела» Мусе,
О песне лишь — думы поющего все.
«О чем ты вздохнул?—никого он не спросит.—
О родине, песне иль милой красе?»

Когда на работу—на много часов —
Палач гонит пленных — живых мертвецов,
То их привлекает всегда на востоке
Густая полоска дремучих лесов.

— За сколько же верст та лесная гряда?
А песня ночная дойдет ли туда? —

Вдруг спросит поэт. И горящие губы
Зашепчут: — Дойдет! Это близко! Да-да!..

Тогда от конвоя украдкой, глаза
Впиваются в эти густые леса.
И снова вздыхает какой-то несчастный:
Как жизнь и свобода — лесов полоса.

В бараке большом, чуть не ночь напролет,
На нарах Муса плавно сказку ведет:
«Так вот, понимаете, были арабы —
Немало в те дни воевавший народ...

Батыр их один, по прозванию Али,
Однажды был ранен, валялся в пыли.
Тогда-то и взял его в плен наконец-то
Царь вражеской и ненавистой земли.

«Будь главным визирем моим, старина,
В руках твоих будет и власть и казна, —
Сказал ему царь. — И бери, что захочешь.
Да будет всегда твоя чаша полна!

В супруги красавицу-дочку возьми,
И станем тогда мы родными людьми».
А дочка, и вправду, была так красива,
Как фея, к тому же, из царской семьи.

«Нет, ваше величество, — молвил джигит, —
Лишь пес там, где кормят, прожить норовит.
Пусты уговоры, чтоб край свой забыл я.
Покуда я жив, он не будет забыт!»

«Покорность тебе, как я вижу, невмочь,
На что ж ты надеешься, знать я непрочь?»

И смелый джигит отвечал без утайки:
«Подруга моя — будет темная ночь!»

И что ж? Так и есть, скрылся ночью Али,
В тюрьме кандалы его утром нашли...
— Да, здорово это! Герой настоящий!
— Что дальше?
— Достиг он родимой земли.

— Ну, хватит пока на сегодня, друзья! —
И замер Муса, свои думы тая.
Ночь темная-темная. Тихо в бараке.
И мыслей тревожных течет колея.

Цигарки то вспыхнут, то гаснут опять.
И кто-то сквозь сон начинает стонать,
Ворочаясь тяжко, скрежещет зубами.
Плывет сновидений туманная рать.

А что же Муса? Ждет грядущего он,
Хоть стих его все еще нынче пленен.
Он ждет наступления света и правды,
Где вспыхнут сказания новых времен.

А время, как путник, идет все ровней.
Оно создает караваны из дней.
Во всем своем блеске весна наступила.
Земля обновилась, цветенье над ней.

4

И лес зашумел, что стоит на пути,
Подлесок подрос. Вот туда бы идти.
Плывет, как мираж, и гудит, словно море, —
Эх, если бы не был ты, брат, взаперти.

... Быть может, ронял их таинственный лес.
А может быть, падали листья с небес.
Но утром в бараке листы находили
Бумаги. И был к ним большой интерес.

И вести о фронте шептали уста,
И прятали руки листы неспроста.
Тревожные души ждут ночи весенней,
Когда эти листья дарит темнота.

Ночами бессонными в думах Муса,
Он ищет для новых стихов голоса.
Рождаются ночью стихи боевые.
И падают листья... На крышах роса...

И падают листья весенней порой,
И молния где-то сверкнет за горой.
О темная ночь, ты подруга джигита,
И несколько пленных исчезло с тобой.

И несколько пленных исчезло в ночи.
О, как всполошились тогда палачи!
Искали с собаками долго и мрачно,
Но разве найдешь тут — ищи не ищи.

А как же Муса? Что в его-то судьбе?
Все так же.

Но сердце поэта в борьбе.
— Ребята ушли, черта с два их поймают, —
Тихонько смеясь, говорил он себе.

— Спасибо же вам, огневые сердца,
Прошедшие сквозь суматоху свинца.
И темная ночь и леса без конца.
Спасибо вам, стих мой, мой голубь крылатый,

Знать, сказка моя им была дорога,
Вещала им правду, проста и строга.
А скоро мой день, мое завтра настанет,
И стих мой не будет в плену у врага.

С почтением трепетным ранней весной
Прохлады я жду августовской ночной,
Любовь моя к Родине, к недругу злоба
Из лагеря вырвутся вместе со мной.

И Родина-мать, сыну ласку дая,
Обнимет Мусу — своего бунтаря,
Цветами залечит жестокие раны,
Раскинет пред взором поля и моря.

Он ждет, и теперь ему больше невмочь,
Баюкает веру, как дочку, — точь-в-точь.
Ждет солнца обильного, вольного ветра,
Подругу джигита — безлунную ночь.

К друзьям он придет и не будет в долгу,
За все он сторицей оплатит врагу...
Увы, не удастся мечтам этим сбыться, —
В оковах гестапо он словно в кругу.

5

Как черный колодец, что в камне пробит,
Вонючая камера. То Моабит.
На стенах, полу — сгустки черные крови.
Тюрьма, будто гроб, что во мраке стоит.

Неясная, узкая щелка окна,
Решетка железная, видно, прочна.

Такой здесь режим и такой распорядок,
Что жизнь для живых — только мука одна.

И, кажется, этому нету конца.
Окно. У него страшный вид мертвеца.
Не видит луна его ясная ночью,
И солнце сюда не покажет лица.

Лишь слышал Муса звон тюремных ключей,
И с днями слилась вереница ночей.
Порою не знал он — какой ныне месяц,
Но стал голос мести еще горячей.

Лишь сердцем он видел сияющий свет,
Лишь вел со стихами подобье бесед,
И сердце бодрили хорошие думы,
Одними мечтами бывал он согрет.

А в камере узенькой грязно, темно,
И смотрит поэт на слепое окно.
Последние ныне стихи он закончил,
Последнее слово (дойдет к нам оно).

Придется сегодня Мусе умереть...
Что ж, смерти в глаза он готов посмотреть.
Стихи его многие спрятаны другом.
Эх, выжили б только и жили бы впредь.

Да, спрятаны другом. Но кто этот друг,
Когда ежечасно гестапо вокруг?
Нашелся! Повсюду есть честные люди!
Назвать его имя нельзя еще вслух.

А сердце поэта рвалось на восток,
Рождался в той камере мыслей поток:

«Пускай не дадут мне тюремного хлеба,
Лишь дали бы только бумаги листок».

Но кто-то листок протянул ему: «На!»
Пускай не знакомы, но участь одна.
Кто знает, быть может, умрут они вместе,
Ведь многих уже поглотила война...

Меж пыткой и новым допросом часы
Он крал... Где-то грома гремели басы.
Слезам и кровью стихи омывались,
И стлался туман пред глазами Мусы.

О белой бумаге-пеленке мечтал
И видел огромный сияющий зал,
Тот стих, что еще не родился. А после —
Лишь в сердце своем он его пеленал.

«Пусть телу в краю чужеземном лежать,
Но сердце на родине будет опять.
Не дважды погибнуть придется Джалилю.
Стихи не погибли б, о Родина-мать!»

Последний листок исписал он. Пора!
И отдал в надежные руки вчера.
Узнает отчизна родимого сына,
Чья воля крепка и чья сила остра.

За дверью тюремной глухой коридор,
К решетке прикован задумчивый взор,
Но думы его далеко за решеткой,
В краю, где и взору и сердцу простор.

Хоть он далеко от родимой земли,
Но сердце его в той далекой дали.

Лежит перед мысленным взором Поволжье,
Где лучшие годы его протекли.

Как часто, купаясь, нырял он с плотов.
Навстречу течению плыть был готов, —
Глядит он туда — свою молодость видит,
Суровую юность двадцатых годов.

Вся белая, в пене бушует Едиль¹,
Знамена колышутся, катится пыль.
Едиль! Бей в набат! На защиту Советов! —
Тревожное время — великая быль.

А юный Муса — он солдат Ильича,
И — то он в окопе, то рубит сплеча.
Пятнадцати лет ему нет еще даже, —
Недель не хватает. И кровь горяча.

Но, правда, винтовка немножко длинна,
И в краску солдата вгоняет она.
Но разве же юность бывает пороком?
Хватает ума и рука, брат, сильна.

«Родная сторонка, родная река,
О как далека ты, и как ты близка.
Да, ты далека — ибо мне недоступна,
Близка — ибо в памяти, жив я пока...»

Стоит пред решеткой и смотрит он ввысь.
Минуя тюрьму, вновь рождается мысль —
Сейчас сабантуи в татарских аулах,
Под звуки гармошки ребята сошлись.

— Эй, где гармонист? Начинай, твой черед!
Ребята, быстрее выходите вперед!

¹ Волга.

Ах, девушки, эти плясуньи, певицы,
Ах, милая песня за сердце берет.

«С утра приходи, приходи вечером
И щелкни в девичье окошко тайком.
Тебя я по этому стуку узнаю
И выйду навстречу, накрывшись платком»¹.

Тут вышел поэт в расступившийся круг
И в пляс, закружившись, пустился он вдруг.
И вот в этом ритме стихи зазвучали
Бушуют, как ливень, что звонко-упруг.

«Есть у вас холмы вдоль улицы?
А у нас — вот это да!
У вас девушки целуются?
А у нас — вот это да!»

Взлетает и плавно парит «Урман кзы»²
Над лесом, над зеленью свежей лозы.
Едиль, им завидуя, слушает тихо
И плещется, белая, чище слезы.

Вздуваются юности той паруса,
Река ровно плещет. И слышит Муса
«Красавицу милую» — песню такую
Высокие звонко поют голоса.

«О милая!» — вздрогнули губы его,
А сам не заметил певец ничего.
Мечта о далеком родимом ауле
Ведет за собою певца самого.

¹ Татарская народная песня.

² Татарская народная песня.

И, словно бы дома, он взад и вперед
По комнате ходит, садится, встает
И курит одну за другой папиросы...
Стихи зазвучат в его сердце вот-вот.

Пора отдохнуть. Ничего, он привык.
Нет, что-то слова не идут на язык,
И медленно белые легкие руки
За шею его обнимают в тот миг.

«Горячее слово скажу не тая:
Постой, моя милая, радость моя,
Мое вдохновение, счастье и песня, —
Стихов зазвенит и прольется струя.

И радостный голос раздастся один,
Он выкрикнет:

«Папа» — из самых глубин.

И вот он пойдет, этот мальчик, по свету,
Среди бесконечных холмов и равнин.

О чем будет первый вопрос малыша?
О том, что Москва—всей планеты душа?
И только потом он откроет объятья
Земле, что под небом лежит, хороша.

«Крылатый птенец, ты не знаешь, друг мой,
Откуда познать тебе детской душой,
Когда даже я не сказал тебе, мальчик,
Что разное небо висит над землей.

Под небом таким же я нынче лежу,
Глаза обратив к своему рубежу.
Но что я?! — мертвец, пленный враг, чужеземец.
Я чужд ему, хоть и душой не дрожу.

Под ним я в тюремную бездну вошел.
Оно — опрокинутый черный котел.
И нету в том проку, что небо высоко,
Коль крылья расправить я сил не нашел...»

Тут дверь загремела, открылась звеня.
(И так не однажды в течение дня).
Проходит жандарм по тюрьме, и обычно—
Покорность кругом, суета, беготня.

Мусу не оставят с мечтою вдвоем.
Его «проверяют» и ночью и днем.
То сами приходят, а то вызывают,
Но видно, что яростно помнят о нем.

А что же сегодня? Вот снова идут.
Палач произносит: «Товарищ, капут!»
И так же с усмешкой Муса отвечает:
«Ну что ж, и тебе будет этот маршрут!»

... Как саван, надвинулась ночь на тюрьму,
Черней, чем всегда, — знаешь сам почему.
Как жизнь, что окончилась нынче до срока,
Свет, тени, движенье уходят во тьму.

Ни речи, ни шороха, ни огонька,
Лишь тихо мерцали два острых зрачка,
Лишь гордое сердце к движенью и свету
Стремилось, усталое, издалека.

И видят глаза, что страданья полны,
Вечернюю зорьку родной стороны.
Блуждают по милым местам отдаленным,
Где льется Едиль и где шелест волны.

И этими думами полон поэт,
Он родине шлет свой последний привет:
«Пусть пленным я стал, не нарушил присяги,
И я не ловчил для спасения. Нет!

Неверного шага, — так думаю я, —
Ни разу не сделала совесть моя.
Пускай и не смог разорвать я оковы,
Но против такого восстал бытия!..»

«Я знаю, мой сын, как мне это не знать!»—
Он внутренний голос услышал опять
И, словно разрушив тюремные стены,
Пришла к нему в камеру Родина-мать.

«Тот год, что потерял в тюрьме для бойца,
Он весь был с тобою, как наши сердца.
Лишь ты бы поверила пленному сыну,
А я-то уж верю тебе до конца.

Встает перед мысленным взором моим
Все то, что мы в битве любой отстоим.
Я вижу грядущее в солнечном свете,
Над садом весенним цветения дым.

Я вижу: идешь ты средь грома, огня,
И тюрьмы ты рушишь в сиянии дня.
Я вижу — близка и почти уже рядом
Свобода, которая ищет меня!

Сил хватит — лететь ей навстречу, родной,
Достигнуть бы чудом той цели одной!
Еще меня мучит. Партийные взносы
Давно уже, знаешь, не плачены мной...»

«Уплачены взносы! Ты все перенес —
Мучения, горести, сотый допрос! —
Он слышит всем сердцем отчетливый голос:
Стихи твои—вечный для партии взнос!»

Но знает Муса: это голос — его,
И в нем утешенье, желанье всего.
Услышать бы вправду тот Родины голос,
И больше не нужно ему ничего.

И все-таки, слыша уверенный глас,
Был счастлив Муса, как и прежде, не раз
О смерти своей и о том забывая,
Возможно ль счастливым быть в этакий час?

Но это не так показалось судьбе,
И ветер завыл за окном, как в трубе.
Поэта от радостных дум отрывая,
Внезапно напомнила смерть о себе.

И вот загорелся в той камере свет,
Где, словно в гробу, среди камня поэт.
Послышался голос врага в коридоре.
Под тучей нависшей спасения нет.

Потом открывается дверь наконец,
Вошли палачи, где томится певец.
Пред ними не пленный стоит обреченный,
А словно с оружием грозным боец.

Готовый на плаху под нож и топор,
Стоит гордый узник и смотрит в упор.
Как будто его не касается вовсе, —
Встречает последний он свой приговор.

На этом лице, иссушенном тюрьмой,
В глазах, что изъедены долгою тьмой,
Сияет огонь и огромная сила.
Он, кажется, весь освещен красотой.

6

А что же затем? — не спешите, друзья,
Мы все не из слабых, так думаю я.
Огромнейшей жизни, где нет эпилога,
Пусть будет прологом поэма моя.

Стих долго живет, коль душою согрет.
Так жить будет долго Джалиль, наш поэт.
Мы видимся с ним, и, конечно, не довод,
Когда говорят: «Самого его нет».

В прекрасных стихах бьется сердце его,
Живет в них поэта душа самого.
Сказанья о нем — на устах у народов,
Повсюду звучат — и в сердцах торжество.

Джалилия стихи сквозь тюремный туман,
Сквозь годы бельгийский пронес партизан,
Сказал: — Я другого такого не видел —
С душою просторною, как океан.

Ну, что ж, и Муса не остался в долгу,
Его палачей мы согнули в дугу.
Мы другу тому дверь темницы открыли,
Да, мы по заслугам воздали врагу.

Окутан дыханьем Отчизны родной,
Шел стих по суровой дороге прямой.

Не старясь, прошел сквозь жестокие годы,
И вот наконец возвратился домой.

— Муса! — услышав, тихо скажет жена.

— Отец! — звонко крикнет их сын у окна.

— Джалиль! — молвят люди в бесчисленных залах,
Звучать будет голос во все времена.

Спокоен поэт с Золотою Звездой,
Он видит огни, города над водой,
С лесов возведенных невиданных строек
Он видит всех нас, он всегда молодой.

Целинные земли засеял народ,
Едиль по цветущему краю течет.
Подобные думам поэта — просторы
Волнуют нам душу, зовут нас вперед.

Любил он зарю, дорогие места,
Подругою сердца была красота.
Красивей красивейших Родина наша —
Его бесконечная боль и мечта.

А что же затем? — Не спешите, друзья.
Ведь мы не из слабых, — так думаю я.
Огромнейшей жизни, где нет эпилога,
Пусть будет прологом поэма моя.

1956 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

О молодость,
Почему же ты не вернешься, перевалив сотню лет,
Подобно тому,
Как осень проходит и вновь возвращается к маю?
О двадцать пять, не упрекну я вас, нет.
Но что вы нашли, от меня отлетев? —
Я не понимаю!

Лучшее что-то нашли или наоборот?
Много лет я не вижу вас,
рядом вы не идете.
В прекрасную ночь вы сказали «прощай» у ворот,
И я остался один на крутом повороте.

Двадцать пять, я искал вас
И продолжаю искать.
Нес я мечту на руках, как знамена проносим.
И летом однажды, сходя к тем воротам опять,
Ушел я,
Почувствовав, что начинается осень.

На то, что случилось — не жалею, все ж,
Кто может ручаться,
что это не постигнет другого?
Молодость, ты догнать себя никому не даешь,
Удается немногим повидать тебя снова.

Молодость,
Старым и молодым ты сияешь мечтой,
Хотя еще нет человека, которого бы не покидала.
Может, только снаружи ты прекрасна собой,
По сути обманчива и непостоянна нимало?

Двадцать пять, я зову вас, приходите опять,
Вам пока возвращаться недалеко еще, право.
Слышите, как зову вас, мои двадцать пять,
Не думайте, что если вернетесь, — уменьшится слава.

Я не юнец, что не знает цены вам пока.
Приходите!
Я вас обниму.
Мне поверьте.
Вместе жить будем мы этой жизнью века,
Вот так, молодыми, и перекочуем в бессмертье.

1957 г.

РАДОСТЬ ГРАЖДАНИНА

Выходит в колхозное поле джигит,
Бескрайный простор его взор веселит.
Солдат тосковал о зеленых ростках
На фронте — в походах и в пламени битв.

Вчера — прославлял он Отчизну свою,
Европу спасал от фашизма в бою;
Сегодня — в колхозе джигит-звеньевой
Работает гордо в родимом краю.

С боями он смог до Берлина дойти,
Немало сапог истоптал он в пути,
Немало он разных земель повидал,
Но краше родимой земли — не найти!

Когда возвращался с победой назад,
Заехал он в Киев, Орел, Сталинград.
За них он сражался с оружием в руках,
За то, чтобы жизнь расцветала, как сад.

Он видел: встают из развалин дворцы,
Дороги оделись в асфальт и торцы,
Кипучею жизнью живут города,
На мирную стройку вернулись бойцы.

Раненья от бомб залечила земля,
Разливом хлебов зашумели поля,

Колхозницы юные с песней идут,
Поют соловьями, сердца веселя.

Здесь крону березы снарядом снесло,
Но дерево, вражеской воле назло,
Могучую силу беря от земли,
На радость народу опять расцвело.

— За этот рассвет я сражался с врагом! —
Промолвил джигит, поглядевши кругом.
Величьем побед трудовых окрылен,
Он счастлив работать в колхозе родном.

Он в поле выходит с отвагой в груди —
Сияет чудесная жизнь впереди.
Огни коммунизма горят над страной.
Ведут к коммунизму все в мире пути!

Отважно с грядущим заводит он речь, —
Он хочет собратьев примером зажечь.
Как сыном, гордится он каждым ростком,
Он каждое зернышко хочет сберечь.

Пшеница встает, высока и пышна,
Как песня Победы, волнует она.
Под ленинским стягом окрепла страна —
И радостью грудь гражданина полна!

1947 г.

НА ВОСТОКЕ РОДИНА МОЯ

Даль колеблет лазурный дымок,
В даль уходят стальные пути.
Я гляжу и гляжу на восток
И не в силах я глаз отвести.

Сладок мне аромат ветерка.
Милых сердцу лугов и полей.
Так мне ласка его дорога —
В ней дыханье Отчизны моей.

С умилением на птицу гляжу,
Что с востока летит надо мной.
Как я рад, когда в ней нахожу
Сходство с птицей сторонки родной.

Даже картой, тоски не тая,
Я люблюсь часы напролет.
На востоке Отчизна моя,
И туда меня сердце зовет.

1945 г. Германия

НОВОСТЬ

По вечерам наш читальный зал
Полон людей. Здесь и стар и мал;
Тихо и скромно, без суетни,
Черпают знания в книгах они.

О новостях, возвращаясь домой,
Долго беседуют между собой.
И это не главная новость тут,
Главная — новые люди растут.

1947 г.

ПЕСНИ РОДНОГО КРАЯ

Песня первая

Урал мой, Урал, в яблоневых садах,
Я детство провел на твоих берегах.
Люблю твоих волн белопенных игру,
Луга заливные в весенних цветах.

Не раз я, бывало, к тебе приходил,
За удочкой долго, упорно следил.
Привольный ты, щедрый, могучий, Урал,
А мне лишь пескариков жалких дарил.

Вовек не забыть мне родные места,
Встает предо мною твоя красота,
Здесь часто с друзьями в безлунную ночь
Ходил над тобою, отдавшись мечтам.

Сидели потом на крутом берегу.
Напева домбры я забыть не могу...
Так горсточка дальней родимой земли
Солдата встревожит, и — горе врагу!

На фронт уезжая, к тебе мы пришли
И клятву сыновью свою принесли.
Казалось, нам волны твои говорили:
«Гоните врага вы с родимой земли!»

Урал мой, Урал! За твои берега
Немало героев громили врага.
Ты память о них навсегда сохранил, —
Как слава Отчизны, она дорога.

Песня вторая

Прими привет, родимый край,
Урал-река—моя отрада.
Волною нежной обласкай,
И лодки мне твоей не надо:

Хоть ты широк — переплыву,
Твоя волна придаст мне силы.
Ты и в мечтах и наяву,
Прими мой стих как дар от сына.

Твоя волна, смеясь, журчит
И не скупится мне на ласки.
Пески, белы и горячи,
Манят прильнуть к ним без опаски.

Люблю тебя, Урал-река!
Здесь я родился в юрте жалкой.
Вокруг зеленых нив шелка
Напоены твоею влагой.

Берет Кучумский здесь канал
Теченья своего начало,
Чтоб мой колхоз беды не знал,
От жажды степь не изнывала.

Века течешь ты, мой Урал,
Скажи, родной, не хмурься грозно:

Такое счастье ты видал,
Как в нашей стороне колхозной?

Да не завидна ли судьба,
Когда народ живет тобою,
Когда в степи шумят хлеба,
Спешат отары к водопою.

Ты помнишь горе прежних дней, —
Печаль несли седые волны,
Темнея, как глаза людей,
Что тяжких слез кровавых полны?

Теперь прозрачна и вольна
Твоя волна. И так чудесно
Ширь берегов твоих ясна,
Как наша жизнь, как наша песня!

Люблю тебя, Урал-река!
Здесь я родился в юрте жалкой.
Вокруг зеленых нив шелка
Напоены твоею влагой.

Песня третья

Куда бы ни поехал я, —
Все ты — страна моя родная,
Везде мой дом, моя земля,
Меня как друга принимают.

И все же, где б я ни бывал,
Есть место, что всего милее:
Любимый край, родной Урал,
На гребнях волн меня лелеял.

Неиссякаем твой поток, —
В России он берет начало.
Не вижу год — недолгий срок, —
А, как по матери, скучаю.

Там, несмышлениша, меня
В просторы неба пеленали,
Постелью мне была земля,
Мне песню ветры напевали.

Там красный галстук я надел,
Успел с друзьями породниться,
Со мной они везде, всегда,
Их образ в памяти хранится.

Свой край увидев, понял я —
Как широка моя Отчизна!
Родной очаг мне дал огня,
Чтоб я пронес его по жизни.

Когда я Родину свою
Сравню с вечнозеленым дубом,
То о тебе, Урал, пою:
«Ты—дуба ветвь, что сердцу любя».

Об этом думал в грозный год
На рубежах под Сталинградом.
Стеной стальной встал народ,
Победы — мужеству награда.

А нынче, чтоб цвела земля,
Чтоб славился Урал садами,
Твердыни волжской сыновья
Пришли трудиться вместе с нами.

Родной им стала ширь полей,
А ты, Урал,—отцом любимым.
И, значит, стал еще сильней
Союз республик нерушимый!

Песня четвертая

Я об Урале речь веду,
Встают картины дальних лет,
Как будто, я сейчас иду
По улицам, где шел поэт.

Яик — казачий городок,
Плетни занесены песком.
Свирепый ветер валит с ног,
Вздымая пыль лихим броском.

По душным улицам идет
В раздумье Пушкин. Труден шаг.
Песок и зной... Эпохи гнет...
Грудь давит. Тяжело дышать.

Вокруг и горе и тоска,
Заныла честная душа.
Здесь помнят все, как приласкал
Поэт мальчишку-байгуша¹.

Вот на базаре бай сплеча
Работника-казаха бьет.
Увидел русский—не смолчал,
Кнут вырвал... Зашумел народ...

¹ Байгуш—нищий.

А ветер воющий донес
Степную горькую печаль
Земли, что бури, а не слез
Ждет, помня волю Пугача.

И заунывный ветра вой
Поэт, казалось, понимал.
Он песне грустной и простой
Казашки молодой внимал.

Он слушал песню о любви
Козы Корпеш и Баян Слу,
Народа душу уловил
В напеве тихом чуткий слух.

И просит девушка: «Родной,
Узнай, пойми мою печаль».
Почудилось, что в песне той
Татьяны голос прозвучал.

Казалось, девушке в ответ
Поэт с надеждой говорит:
«Ты верь, звезда взойдет, и свет
Народы счастьем озарит!»

Да, Пушкин посетил Яик,
Ходил по улицам его,
В душе носил горячий стих...
Я не придумал ничего.

Он жителем навеки стал
В любимом городе моем.
Его стихи, его мечта —
Степи свободной бытие.

Яик — Уральск теперь иной,
Не знает горя и нужды.
Чудесный город предо мной,
В цветенье пенистом сады.

Как братья, русский и казах
Живут желанием одним,
Забыв о рабстве и слезах,
Навек судьбу соединив.

И входит каждый день поэт
Желанным гостем в каждый дом,
И каждый шлет ему привет
На языке своем родном.

Песня пятая

Тебе пора весенняя знакома,
Когда Уральск — в наряде цветниковом?
Ты видел памятник Чапаеву-герою
На площади у здания обкома?

Я перед ним не раз стоял в волненье.
Однажды слышу за спиной движенье:
— Салем, батыр! — старик-казак промолвил
Герою, как живому, с уваженьем.

Гляжу: он тихо обошел вокруг,
Смотрел в лицо, как старый добрый друг.
Нет, не такого видел он когда-то
И помнил до сих пор пожатье рук.

— Не вышел памятник, верь слову старика, —
Сказал он. — Я пришел издалека.

Хотелось бы, чтоб — на коне Чапаев,
Чтобы в руке сверкала сталь клинка.

Чтоб Фурманов с ним рядышком стоял.
Я в юности своей обоих знал.
Здесь водрузить советской жизни знамя
К нам их великий Ленин сам послал.

Опять старик на памятник глядел,
Знакомые черты найти хотел,
Но, видно, в звонкой бронзе не увидел
Он в полный рост героя славных дел.

— Ну, как? — спросил старик и ждал ответа.
Но что я мог сказать ему на это?
Того, что видел он, не видел скульптор.
И не смогли еще воспеть поэты.

1945—1954 г.

ДЫМОК АУЛА

Морозы трескучи, злы,
Ухает лед над рекой.
Деревья белым-белы,
Как бороды стариков.

Лишь труб чернеют ряды
В снегах, но аул живет, —
Веселый домашний дым
В небе высоком плывет.

Люблю я его полет
Над степью в синих снегах,
Кажется — он бережет
Вечную жизнь очага.

1947 г.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

И я вошел, дыханье затаив.
Я даже сердце стиснул бы рукой,
Чтобы оно биением своим
Не потревожило его покой.

Я раньше в мавзолее не бывал,
Впервые видел Ленина в лицо.
Я миг в благоговенье постоял
Перед вождем, учителем, отцом.

А он, кто видел на века вперед,
Кто наше счастье ясно предсказал,
Кто знал и сердцем всем любил народ, —
Лежал, смежив задумчиво глаза.

Казалось, он сейчас откроет их,
Посмотрит, спросит запросто меня:
«Ты кто же будешь, из краев каких?..»
Да, видно, сердца я не смог унять,

Как ученик, что первый раз пришел
К учителю экзамен трудный сдать,
Стесняясь и волнуясь всей душой,
Робея и не зная, что сказать.

Лавины дум покоя не дают,
А я безмолвно на него гляжу.

Он словно знал давно всю жизнь мою,
Поверил мне и ждал, что я скажу.

Рука, невольно тронув партбилет
В кармане гимнастерки, на груди,
Чуть вздрогнула... Я дал себе обет,
Что буду в каждом деле впереди.

И никаким невзгодам не согнуть, —
Со мной билет, он силу мне дает,
В нем жизни верный и надежный путь,
Честь, совесть и достоинство мое.

А сердце мыслям вторило моим,
А сердце новых придавало сил.
Казалось мне — я с Ильичём с живым
О самом сокровенном говорил.

1949 г.

КУВАНЫШУ

Гляжу я на тебя, мой Куваныш,
Ты «папа» мне с улыбкой говоришь.
И тянешься ко мне, подняв ручонки,
Как бы на крыльях радости летишь.

Я с каждым днем люблю тебя сильнее.
Ты — продолжение души моей.
Ты будешь жить, сынок мой, в коммунизме,
В сиянье озаренных счастьем дней.

Смотрю в твои глаза и вижу я
Таких, как ты. Они во всех краях
Отчизны нашей подрастают дружно,
Оплот ее, надежда, сыновья.

Пока же ты, мой милый Куваныш,
По-детски за столом моим шалишь:
То карандаш мой схватишь, то чернила
Прольешь... Беда с тобою мне, малыш!

Хоть на часок ты будь послушен, тих.
Другому сыну радость дум твоих
Отдать я должен нежно, по-отцовски,
Капризен он — второй сынок мой — стих!

1953 г.

В РОДНОМ АУЛЕ

В степи потеплело. Все дышит весной.
Овраги вскипают бурлящей водой.
И первые жаворонки в синеве
Поют о весенней поре золотой.

С рассвета колхозники вышли в поля,
Их, радуя, манит родная земля.
Она им богатый сулит урожай,
Дыханием нежным сердца веселя.

А дальше, где берег реки Уленты,
Где все еще сносит весною мосты,
Построена будет колхозная ГЭС,
Так явью становятся наши мечты.

Когда-то здесь были глухие места...
Была эта степь и дика и пуста,
Посевы душила полынь, сорняки...
Да солнцем простор безграничный блистал.

Незгоды былые ушли навсегда.
И степь переделали люди труда.
В ауле моем что ни год—урожай.
Картины печальной не сыщешь следа.

Да, здесь я родился, здесь детство прошло.
На палку садился я, словно в седло,

И неся, степной догоняя мираж,
А степь расстилалась уныло, голо.

... Я снова в краю бесконечно родном.
Как все расцвело, изменилось кругом!
Исчезли лачуги в ауле давно,
Бушуют поля на просторе степном.

Недаром мой друг мне сказал: — Погляди,
Как стали мы жить!
И с волненьем в груди
Я шел по знакомому с детства аулу,
И новая песня рождалась в груди.

1948 г.

ЛУЧИ ЛЕНИНИЗМА

Когда-то вечерами мой аул
Мерцал едва приметно огоньками.
Но срок пришел. И ярко свет блеснул,
Свет новый, электрический над нами.

Он озарил в ауле каждый дом,
Лучи его в ночные рвутся дали.
Тот свет нам дан любимым Ильичём,
Мы именем вождя его назвали.

Гляжу вокруг: в сверкающих лучах
Равнины плодородные и горы.
То лампочки родного Ильича
Путь озаряют в новые просторы.

1952 г.

ПАМЯТНИК

Памятник советскому герою
В польском людном городе стоит.
Он о тех, кто жертвовал собою
Ради жизни, людям говорит.

У его подножья днем и ночью —
Яркие и свежие цветы.
Кажется, растут они воочью,
Пробивая путь из-под плиты.

Нет, это не памятник обычный!
Это — сплав признанья и любви.
Это — символ жизни безграничной,
Солнце зажигающий в крови.

Это — слава русского солдата,
В вечности оставившего след.
Это место для потомства свято
Героизмом воинских побед.

1946 г. Польша.

ДУМА

Как мне найти достойные слова,
Чтобы сказать о жизни, полной света?
Она дает мне гордые права
На звание советского поэта.

Степь необъятная полна трудом.
Большие города растут повсюду.
То партия ведет нас на подъем,
Открыв пути трудящемуся люду.

Советский человек! Твои дела
Задумал я вместить в стихотворенье.
Пока писал, меня обогнала
Жизнь силой небывалого цветенья.

Не время нам перебирать старье,
Искать следы эпохи обветшалою.
Могу ли я призвание свое
Разменивать теперь на теме малой?

Ведь даже Пушкин, даже наш Абай
Не видели величия такого,
Подобной жизни, бьющей через край,
Дерзания в работе молодого.

Когда б сумел в стихах я описать
Все то, что мы вокруг сегодня видим,
Я был бы счастлив, я бы смог сказать,
Что на судьбу свою я не в обиде.

1953 г.

МЫ ПОЕМ

Слушай, страна, нашу звонкую песню.
Летит она выше гор.
Певцам на подмостках театра тесно,
Их сцена — степной простор.

И песня растет. Ей внимают птицы,
Летающие в дальний край.
И ветер прилег, перестав крутиться,
В колючий, сухой курай.

Поют эту песню старый и малый.
Казашка ее поет.
Ей подпевает москвич бывалый,
Что в наших степях живет.

Гордость победы — в напеве ясном,
Слава силе труда,
Радость жизни, пришедшей властно
В степь, что спала всегда.

К партии нашей, к творцу-народу,
Песня летит спеша.
Слушают песню горы и воды —
Так она хороша!

1956 г.

ГОЛОС УКРАИНЫ

Голос правды спокойно и твердо звучит,
Заставляет поверить, прислушаться он.
Это правду свою на весь мир говорит
Делегат Украины с трибуны ООН.

— Мой свободный народ, Украина моя
Справедливой заботой о мире полна.
Алой кровью советской страны сыновья
Погасили проклятое пламя войны.

Я от имени братьев сейчас говорю,—
Делегат посмотрел в переполненный зал.
Там, равняясь в широком знаменном строю,
Государственный флаг Украины стоял.

Взор его через плотные стены проник,
За холодные, зыбкие дали морей.
Он огни Днепрогэса увидел на миг,
Золотые огни Украины своей.

Он увидел свободный советский народ,
Из шестнадцати братьев могучих семью.
В ногу с русским великим народом идет
Украина в едином строю.

— Говорю я от имени братьев сейчас.
Воля мирных народов единством сильна.

И за мир поднимается каждый из нас,
Чтобы нам никогда не грозила война.

Пролетает по свету людская молва,
Повторяют слова эти тысячи уст.
Произносят мечтательно негры слова:
— Украина, Советский Союз.

А советские флаги на солнце горят,
Словно зори, горят кумачом,
Белокрылые птицы над ними летят,
В бесконечном просторе парят голубом.

Голос правды спокойно и твердо звучит,
Заставляет поверить, прислушаться он.
Это правду свою на весь мир говорит
Украина с трибуны ООН.

1954 г.

ПЕСНЯ ДРУЖБЫ

Прекрасно поешь ты, далекий собрат,
Я слушать напевы китайские рад.
Люблю их.
Как голуби мира, они
То круто взмывают, то плавно парят.

Китаец,
Понять твои чувства я смог,
Твое ликование, — мой бурный восторг,
Твой голос мне дорог и песни близки.
Мотивам китайским созвучен Восток.

Китаец,
Я сердцем твоим удивлен,
Твой светлый напев новой жизнью рожден.
Я вижу: растет обновленный Китай.
Четвертая часть человечества он.

Китаец,
Во всю исполинскую грудь
Сумел твой народ пробужденный вздохнуть.
По имени счастье он в песне назвал:
Коммунистической партии путь.

Китаец,
Мы — будущего творцы,

И сила у нас от октябрьской грозы.
Недаром поешь ты, великий мой друг,
Что Волга-река вдохновляет Янцзы.

Поешь ты:

— Родство в наших песнях видно,
И в жизни избрали мы русло одно.
Победой свободы в Советской стране
Освобожденье Китаю дано.

Поешь ты:

— Настали великие дни,
Мечты и желанья народов одни.
Октябрь, день рожденья Советской страны,
Рождением счастья назвали они.

Китаец,

Как звездный, как солнечный свет,
Сияет казахам твой жаркий привет.
И в песне от миллионов сердец
Тебе, сын Китая, мы дарим ответ.

— Мы любим свободный китайский народ,
Который победной дорогой идет,
Любуемся обликом юной страны,
Что крепостью мирной с Востока встает.

У Волги, Янцзы не одна ли вода?
Растут одинаково города.
Мы в юности вашей свою узнаем,
В знаменах сражений, в знаменах труда.

Китаец,

Роднит наша партия нас,
Отвага и дружба—вот сила сейчас!

Мы в жизни едины в поступках своих,
Как пара живых человеческих глаз.

Пусть злобою недруги мира полны,
Пусть планы фашистов заморских черны,
Мы, за руки взявшись, спокойно идем,
Коммунистическим братством сильны.

1952 г.

МЫ ЗА МИР

Мы требуем мира, но мы не слабы.
И если войну спровоцирует враг,
Мы, мирные люди, сожжем для борьбы
Стальной беспощадный

громящий кулак!

Мы требуем мира, мы против войны!
И лозунг наш:

ядерной силой владей

Для блага любимой советской страны,
Для счастья и радости мирных людей!
И если бойцу мы оружие даём,
То только затем,

чтобы свято берёг

Свободу, добытую нам Октябрем,
И солнце, что Ленин бессмертный зажжёт!
Нас трогает нежный расцвет деревца
И радуют мирные игры детей.

Пусть счастливо бьются влюбленных сердца,
Пусть не возмутится покой матерей.
Мы к цели заветной дойдем без войны —
Нас ленинская направляет рука!
Для битвы за мир

вдохновенья полны

Великий народ наш и мудрый ЦК!

1952 г.

КТО ВИНОВАТ?..

На собрании колхозном
Весь народ завхоза крыл:
— Ну-ка дай ответ, завхоз, нам,
Как дела ты запустил?
Скоро хлеб созреет новый —
Наш целинный урожай,
А в колхозе не гстовы
Зерносклады — ай-я-яй!..
А завхоз ответил:— Братцы,
В оборот я вами взят,
Только, если разобраться,—
Я совсем не виноват.
Уж давайте правду скажем:
Склады полные — они
Все забиты хлебом вашим,
Выданным на трудодни.
Вы же сами посудите:
Как мне с хлебом поступать —
Вам везу, а вы кричите:
— Хлеб нам некуда ссыпать!..
Нет, друзья, бери лопаты
Да пшеницу выгружай!
— Кто ж виновен?.. — Наш богатый,
Наш колхозный урожай!..

1948 г.

МОСКВА

Москва!

Где я город на свете найду,
Чтобы так вот на подвиг людей вдохновлял?!
По площади Красной, ликуя, иду —
Как будто чудесный я стих написал.
Иду, как хозяин, так вольно дыша,
Что кажется: рос я в объятьях твоих.

Твоя красота, золотая душа
Рождают во мне благодарственный стих.
Теплом материнским в окопах сырых
Ты в стужу меня согревала, Москва.
В тяжелых походах, в делах боевых
Мне силу твои прибавляли слова.

Гремит твое имя салютом побед
И солнцем оно над планетой горит.
О русском народе, принесшем нам свет,
С любовью казахский народ говорит.

Москва, всенародного счастья творец!
По первому зову в годину невзгод
Готов за тебя, как советский боец,
Встать грудью свободный казахский народ!

Как Родину, любят народы тебя
За ленинский светоч, за русский размах,
И братскую дружбу навечно крепя,
Тебя воспевают на всех языках!

ГОВОРIT МОСКВА!

Всходит солнце.

«Говорит Москва!» —

Зазвучали в комнате слова.

Слушаю я радостные вести —

И светлеет неба синева.

Я с тобой, далекий китобой!

С горняком спускаюсь я в забой.

За рубеж лечу, следя с восторгом

За освободительной борьбой!

Слышу голос братской нам страны.

Вдруг ко мне

ворвался шум волны

И донесся тот зловеший голос,

Что зовем мы голосом войны.

Изо всех своих разбойных сил

Атомную бомбу возносил

И борцам за мир и за свободу

Он со злобой бешеной грозил.

Он хотел бы миром завладеть,

На людей ярмо рабов одеть.

О кровавой бойне этот голос

День и ночь не устает галдеть.

Ненавистен этот голос мне,

Что толкает к атомной войне.

И включаю я

столицу мира.

«Миру-мир!»—несется на волне.
Мирный труд заводов, МТС,
Мирным целям — атомный прогресс,
Мирный свет, что льют земные солнца —
Ильичём задуманные ГЭС,
Новых песен мирные слова,
Новых парков мирная листва
И леса гигантских строек мира —
Вот что значит:
«Говорит Москва!»

1949 г.

РОДИНА

Родина! В походе и борьбе
Я опору чувствую в тебе.
Образ твой мне светит издалёка
Днем и ночью в яростной пальбе.
Тяжело мне — ты спешишь помочь,
А когда на сердце ляжет ночь —
Образ твой, как ласковое солнце,
Засияв, ее отгонит прочь.

Словно птица, мысль моя парит —
У далеких стран порой гостит,
Но тебя вовек не покидает,
Издалека к Родине летит.

В твои руки я судьбу свою
С радостью великой отдаю.
В лучезарном облике отчизны
Я себя частицей узнаю.

Ты — моя надежная броня,
Защищаешь от смертей меня.
Ты со мною гонишь оккупантов
Ураганом мстящего огня.

Родина! В походе и борьбе
Я опору чувствую в тебе.
Образ твой мне светит издалека
Днем и ночью в яростной пальбе.

1944 г. Фронт.

ЛЕГЕНДА О ДОРОГЕ

Легенду эту, посылая свет,
Передало нам солнце, как привет.
И я ее всем сердцем принимаю,
Как солнечную правду наших лет.

... Раз увидав — забудешь ты едва ль,
Как в яркую заманчивую даль
Летит стрелой, преобразуя землю,
Великая стальная магистраль.

На ней хлопочут тысячи людей,
Согретых жаром солнечных идей.
Но вот подъехал к стройке иностранец,
Манерами — заморский лиходея.

Преследуя в большом чужом краю
Лишь только цель коварную свою,
Он задает дорожнику вопросы,
Чтоб разослать в газеты интервью:

— Давно ли вы дорожником, мой сэръ?
Каков оклада вашего размер?
И сколько лет строительство дороги
Планирует вести СССР?

Дорожник — добрый, мирный великан —
Представил ясно грандиозный план.

— Не дипломат я, так что извините,
Когда ответ вам просто будет дан.

М-да, горы матерьяла для газет!
И я не скрою ни один секрет.
Вас, господин, интересуеет стаж мой?
Дорожник я почти уж сорок лет!

Когда был свергнут вековечный враг
И над страну поднят красный флаг,
Мы начали прокладывать дорогу
В край изобилья и всеобщих благ.

Такой ответ дорожник сэру дал
И посмотрел в сияющую даль,
Куда, стальной лентой сверкая,
Всё дальше убегала магистраль.

Ответом сэр был очень огорчен,
Как будто пачки долларов лишен,
Зато вполне доволен был дорожник,
И улыбался радостно лишь он.

Не только для себя мы строим, нет —
Мы этим шлем потомству свой привет.
Мы строим для народов всей планеты
На тысячи грядущих светлых лет!

Вопрос:

Когда дорогу завершим?
Мы временем, сэр, очень дорожим.
Вы видите: кипит порыв народный,
Как океанский вал, неудержим!

Такой ответ дорожник сэру дал
И вновь взглянул в сияющую даль,

Куда, стальнойю лентою сверкая,
Все дальше убегала магистраль.

Ответом сэр был снова огорчен,
Как будто пачки долларов лишен,
Зато вполне доволен был дорожник,
И улыбался радостно лишь он.

— Еще я не дал вам ответ один...
Но что вы побледнели, господин?
Как вижу я, вы очень захандрили?
У вас, должно, заокеанский сплин?

А мы живем вот радостным трудом:
Мы путь к чудесной станции ведем.
Мне, кажется, хандрите потому вы,
Что станцию
Коммуной мы зовем!

Такой ответ дорожник сэру дал
И вновь взглянул в сияющую даль,
Куда, стальнойю лентою сверкая,
Все дальше убегала магистраль.

Ответом сэр был крайне огорчен,
Как будто пачки долларов лишен,
Зато вполне доволен был дорожник,
И улыбался радостно лишь он.

И жаль — забыл учтивый господин
Задать ему еще вопрос один:
Как ваше имя?
А оно — бессмертно:
Халык — народ, отчизны верный сын!

1949 г.

. ВСТРЕЧА

(баллада-быль)

Когда, очнувшись, встал сержант —
Товарищ Абдулла,
Увидел он: по мостовой
Колонна немцев шла,
Да, по берлинской улице
Колонна пленных шла!

Разбитый в прах лежал рейхстаг.
Вокруг цвела весна.
Казалось, что на всей земле —
Большая тишина,
И стало ясно в тишине,
Что кончилась война.

Был трижды ранен Абдулла
В последней из атак —
Один из тех, кем сломлен был
В бессмертной битве враг,
Кто над Берлином водрузил
Советский алый стяг.

Враг наши грабил города
И села жег дотла.
Четыре года гром гремел
И кровь в полях текла.

Четыре года шел сюда
Товарищ Абдулла.

Он сердцем чист и духом тверд
Был, как кинжал, в бою.
Пусть раны свежие горят,
Пусть он устал в бою —
Родную землю, милый край
Он отстоял в бою.

Идет по городу сержант:
Развалины... песок...
Как будто, съжившись, Берлин
К нему под ноги лег...
И вдруг он слышит тонкий плач
И детский голосок.

Спешит туда, где дом стоял,
По стеклам, кирпичам —
И видит: мальчик у стены.
Зовет он: «Мама... мам...»
Мать не откликнется, она
Навек осталась там.

Ребенок ослабел: давно
Не брал он хлеба в рот, —
Тихонько плачет и в тоске
По-русски мать зовет...
К нему подходит Абдулла
И на руки берет.

Глаза усталые сомкнул
И замолчал малыш,
К рукам доверчиво прильнул
И сжался, словно мышь.

— Кто ты, откуда, мальчик мой?
И почему молчишь?

Глаза на миг открылись вновь,
И тихий голосок
Сказал: — Я—Юрик, русский я...
И досказать не смог.
Он наш, советский, хоть ему
Не больше четырех!

Его в чужой проклятый край
В неволю увезли
От русской, всем нам дорогой,
Единственной земли.
Но он постиг родной язык
И от нее вдали.

Что ж, он вернется вновь туда,
Где ясен небосвод,
Где ожидают сыновей
Уже четвертый год,
В страну, чью славу поднял ввысь,
Мой мальчик, твой народ!

И вот идет сержант-казак
Товарищ Абдулла.
Спокоен взгляд его теперь,
И ласка рук тепла...
Мальчишке кажется во сне,
Что лодка поплыла.

Не сводит воин глаз своих
С ребячьего лица.
Всего надежней и верней
Объятия бойца.

И потому, наверно, в лад
У них стучат сердца...

Несется поезд во весь дух,
Вдали гудит гудок.
У нас знакомые в купе,
Все едут на Восток,
И здесь товарищ Абдулла,
А с ним его сынок.

Их встретит Казахстан родной —
Просторные края,
Свободный край, советский край,
Родимая земля.
Их, как заботливая мать,
Ждет Родина моя!

1947 г.

РОДНИК

Вот подряд уже много дней
На дороге Уральск—Тайпак,
Выбираясь из-под камней,
Бьет родник и летит в овраг.

И в декабрьский мороз течет,
Разбивая оковы льда.
В летний зной холодна, как лед,
Бесподобна его вода.

И колхозные чабаны
Гонят стадо на водопой.
Звери тайной идут тропой,
Птицы падают с вышины.

Щедро поит родник людей,
Полон влагою он всегда.
Как богатство страны моей
И как сила страны моей,
Так бездонна его вода.

1948 г.

КОЛХОЗНАЯ ДЕВУШКА

Стога в колхозе мечут браво.
Под небом, полном синевы,
Так высоки они, что, право,
Слетает шапка с головы.

Какой-то парень полон силы,
Он, выделяясь изо всех,
Легко втыкает в сено вилы,
Шутя кидает сено вверх.

Заминки нет — приятно глазу!
Телег бы сколько ни пришло,
Воз целый сена за три раза
Поднимет — и не тяжело.

Он в куртке, в брюках, чин по чину,
И шапка черная на нем.
Пошел я глянуть на мужчину,
Заворожен его трудом.

И вижу — девушка. Одета,
Как парень. Просто не пойму, —
Когда бы сам не видел это,
То б не поверил никому.

Чуть разругивилась от ветра,
Со стогом кончила дела

И, взгляд подняв спокойный, светлый,
Неторопливая, пошла.

И недоступное мелькнуло
В глазах, волнуя и маня..
А на меня и не взглянула,
Как будто не было меня.

И с той поры живу, скучаю,
Тоску свою в душе тая.
Но вот опять ее встречаю
На вечеринке шумной я.

Как в черных туфлях шла по залу
И в платье шелковом она!
Меня она едва ль узнала,
Как лебедь легкая, стройна.

Она веселая такая!
Что говорить! Да я и сам,
Войдя в тот дом и стоя с краю,
Ее узнал лишь по глазам.

Кружится в танцах, все в ней мило,
И льется песенка рекой.
Владычицу той гордой силы, —
Не представлял ее такой.

...Давно уже ушел оттуда
И не видал ее давно,
Но и забыть — о, что за чудо! —
Ее мне тоже не дано.

Увижу издали порою
Колодец и овец вокруг,

А рядом девушку с бадьею,
И сердце радостно: «А вдруг?».

Увижу девушку другую,
Что оседлала скакуна,
И снова жду, и вновь тоскую,
И все надеюсь, что — она.

Коров ли девушка доила
Иль сено свежее везла,
Я вспоминал тот облик милый,
В глазах она — стройна, светла.

А подойду, гляжу — другие.
Среди простершихся полей
Трудом девчата молодые
Добились радости своей.

«Но где же та? Найдите, люди!» —
Просил я многих сгоряча.
«Нет, здесь она не скоро будет,
Пошла учиться на врача».

Несется песня, долетая
Ко мне. И счастье в душу льет.
Поет, но нет, поет другая,
Пре труд свой радостный поет.

1948 г.

ТОВАРИЩ

Есть слово, его, как зеницу, храним,
Под стягом багряным сроднились мы с ним.
Когда я шагал по дорогам войны,
О нем тосковал я под небом чужим.

В том слове—пожатье испытанных рук.
С ним в стужу — тепло, жизнь—светлее вокруг.
В том слове — свершенье заветных надежд,
Горячего сердца немолкнущий стук.

Товарищ—и радостью полнится взор...
Товарищ колхозник... Товарищ шахтер...
Товарищ министр... товарищ поэт...
Товарищ солдат и товарищ майор...

Народы-товарищи, дружбой сильны,
С победой домой возвратились с войны,
Любимую партией, нашим трудом
Огни коммунизма в стране зажжены.

Когда мне «товарищ» друзья говорят —
Уверен мой шаг и напев мой крылат,
Я в силах свершить, что троим по плечу,
Я счастлив — других не желаю наград.

1947 г.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Солдат возвратился в свой край родной.
Годы войны у него за спиной,
Сраженья, раненья, людская беда,
Чужие селенья и города.

По милой земле стосковался солдат.
Дыханье ее он почувствовать рад
И в запахе пыли над мирным путем,
Прибитой летним дождем...

Мукана родная встречает семья,
В объятия его заключает семья.
И вот он в шинели своей фронтовой
С вокзала едет домой.

Заслуженный воин—товарищ Мукан! —
Брал он Орел и форсировал Сан.
И там, на военных дорогах — везде
Мечтал он о мирном труде.

И вот встречает солдата завод,
Снова Мукан у станка встает...
Почет рабочему воздает,
Как воину, наш народ.

Словно и не было тягот войны —
Руки уверенны и сильны.

Расчету ума и сноровке рук
Всё покорно вокруг.

Есть у Мукана сынок Ермекжан.
Когда отец на фронт уезжал,
Мальчику только пошел шестой,
Теперь он — совсем большой.

Ермек переходит в четвертый класс.
Весел взгляд темнокарих глаз,
Высокий и крепкий, смуглый лицом,
Он очень схож с отцом.

Всех лучше мальчишек играет Ермек
В футбол и снежки, когда выпадет снег.
И в дневнике его, кроме «пяти»,
Отметок других не найти.

Когда над землею алеет закат,
Вернувшись с завода, бывалый солдат
Ермеку рассказывает о боевых
Подвигах фронтовых.

Однажды Мукан с работы идет,
Сын встречает его у ворот.
Ермек взволнован и горд — на нем
Галстук горит огнем.

Сегодня отцу доложить он рад:
— Принял меня пионерский отряд!
— Что же, — ответил Мукан, — мой сын,
С честью его храни и носи.

Словно на знамени нашем, заря
На нем пламенеет не зря.

А в сумерках, в синий вечерний час
Мукан начинает новый рассказ:

«В день, не забытый нами,
Первой военной зимы
Разграбленную врагами
Деревню заняли мы.
И собрались крестьяне,
Встречая родных бойцов.
Многие, кто партизанил,
Домой пришли из лесов,
Другие здесь испытали
Зверства врага своего.
Они-то мне рассказали
Про мальчика одного.

В отряд собрались партизанить
И взрослый, и внук, и дед.
И был там разведчик Ваня,
Парнишка двенадцати лет.
С вихрастыми волосами,
Маленький и живой,
С внимательными глазами —
Был он в лесу как свой.

В трудные дни испытаний
В голод и в холода,
Стойкий и гордый Ваня
Не жаловался никогда.
И часто так говорил он:
«Чтоб кончилась эта война,
Все свои малые силы
Отдать мне велит страна».
Он знал, что всего дороже

Счастье страны своей,
И даже мальчик может
Всегда быть полезным ей.
И если, бывало, надо
В разведку — в мороз и тьму,
Сам командир отряда
Заданья дает ему.

Выполнив порученье,
Однажды он проходил
Через родное селенье
И немцами схвачен был.
— В село ты пришел откуда?
— Кто ты и послан кем?
Ваня стоит, как будто
Не говорит совсем.
Немец тогда рукою
Взял его за плечо,
Потом ударил другою,
Потом еще и еще.
Крови алые пятна...
Кровью снежок покрыт...
И извергам непонятно,
Как это мальчик молчит.

— Ну, знаете, это слишком, —
Солдатам сказал офицер, —
Да отвечай ты, мальчишка,
Пока еще жив и цел!
Но бесполезны угрозы
И лезть лукавых собак...
С мальчика на морозе
Сорвали отцовский пиджак.
Рубаху с него сорвали,
И мелькнул кумачом —

(Немцы вдруг увидели)
Красный галстук на нем!
В лихом партизанском деле,
В трудные дни боев
Носил его Ваня на теле,
Как достоянье свое.
Он помнил, что светом ярким
Бессмертных наших знамен,
Что кровью воинов жаркой
Галстук был обагрён!
Разведчик в руках фашистов
Не запятнает его.
Пусть бесится немец, неистов, —
Ему не узнать ничего!
Помня о Родине милой,
О том, что ей обещал,
Мальчик, собрав все силы,
Немцам не отвечал.
— Да, ты пионер примерный, —
Со злобою бросил враг, —
Затем и молчишь, наверно?
Тут Ваня ответил так:
— Да! Обещанье—свято.
Клятву храня свою,
Советские наши ребята
Родины не продают!
Вчерашние пионеры —
Танкист, пехотинец, моряк,
Вас, фашистские звери,
В страшных громят боях.

Он кончил. И больше — ни слова.
Он помнил наказ: «Молчи».
Мучили снова и снова
Разведчика палачи.

И, не прося пощады,
Душой — закаленный булат,
Мальчик погиб, как надо,
Как гибнет в бою солдат...»

Слушал, с отца не спуская глаз,
Ермек правдивый рассказ.

И вдруг заблестели его глаза,
И он сурово сказал:
— Мы не забудем его никогда.
Таковыми же будем. Да!

— Правда. Тебе ведь,—добавил Мукан, —
Галстук недаром дан.
В нем нашей славы частица есть —
Береги пионерскую честь!
Будь верен родимой своей стране
Как тот, кто погиб на войне!

1946 г.

С В Е Т Л Ы Й П У Т Ь

(поэма)

I

— Ой, Жигер ты мой! Ой, родной!
Да в кого же пошел ты, сын!
Потерпи месяцок-другой,
Ну, куда ты, сынок, один?

Хочешь токарем быть? К чему?
И какой из тебя кузнец?!
Кто Омара учил уму?
А, смотри-ка, он молодец.

Сам учился он день за днем
В старой кузнице у отца.
В нашем роде, Жигер, во всем
Сроду не было кузнеца.

Вот учителем — это да!
Но и то не бросай свой дом.
Поучиться, Жигер, всегда
Ты успеешь еще потом.

На чужбину не суй свой нос,
Ты ж, мой мальчик, дитя почти.

Места лучшего, чем колхоз,
Не сыскать тебе, не найти...

Так Жигеру толкует мать,
(Долго ночью лежит без сна).
«Хочет маленький уезжать»,—
Добавляет, грустя, она.

— Без учебы какой с нас спрос!
Разве были бы мы людьми?
Ведь поддерживает колхоз
Правда, мамочка, ты пойми...

Мать вздыхает:—Пошли сыны!..
Нет, упрямых таких, ей-ей,
Не бывало со стороны
Ни с отцовой и ни с моей.

Семилетку окончил ты,
Лишь пошло бы учење впрок.
Любопытен уж очень ты, —
Поняла я тебя, сынок.

Лез ты злых коней объезжать,
Мог бы шею себе свернуть.
Подожди, говорю опять:
Впереди еще долгий путь.

Чтобы стать таким, как Омар,
Провозился все лето зря.
Вечно мчишься, как на пожар.
Хоть раздумал бы, мать не зля...

...Не раздумал—наоборот.
Парень твердо решил уже:

Он теперь далеко пойдет,
Знать, от искры—пожар в душе.

Он подручным у кузнеца
Поработал, набрался сил.
Важно копоть стирал с лица,
Молот мастеру подносил.

И, работою увлечен,
Дело это душой любя,
В дни уборки проверил он
И учителя и себя.

Стал комбайн — деталь сломал.
Тишиной захлестнуло даль.
Взялся сделать ее Омар,
Дефицитную ту деталь.

Но, рукою стирая пот,
Горько вымолвил: — Эх, сынок,
Нет, без токаря не пойдет.
Ох, как нужен бы нам станок!..

И встревожился весь колхоз,
И взлетел человек в седло.
В МТС найдут — повезло,
В город ехать бы не пришлось!

Как большой корабль на мели,
В тихом поле комбайн стоял.
Волны хлебные намели
Перед ним золотистый вал.

— Эх бы токаря... Мы б взялись...
Эх, станок бы... любой сперва...

Словно птицы, летели ввысь
Эти жалобные слова.

И Жигер, как и все вокруг,
«Эх бы, — думал, — пустяк всего».
И задумался крепко вдруг,
Вспомнив мальчика одного.

Как Жигер, он был, в самый раз,
Жил в соседнем колхозе — свой! —
Вот он токарем был сейчас,
Летом лишь приезжал домой.

Парень важничал, говоря,
Что отличник и всем пример.
«Хвастунишка, болтает зря», —
Посмотрел на него Жигер.

Но тот всем доказать сумел,
Что в работе силен и смел.
По аулам кругом пошла
Воздаваться ему хвала:

Он, видать, неплохой знаток,
Знать, полет у него высок.
Он механикам помогал,
Много знает, хоть ростом мал...

И вот этим несчастным днем,
Подавляя невольный вздох,
Хмурясь, вспомнил Жигер о нем, —
Может, мастер и впрямь неплох.

Волю дал тут Жигер мечтам.
Потянуло его тогда

В ФЗО, чтоб учиться там,
Чтоб познать вершины труда.

Что сынок упрям у нее —
Это знала, конечно, мать.
Как решит что-нибудь свое —
Не подумает отступить.

Так спокойно слова текут, —
Все у мальчика решено.
Восхваляет токарный труд,
Словно токарь давным-давно.

— Как послушно станки жужжат!
Перед токарем — все пути.
С ним металл говорит, как брат,
Коль к металлу ключи найти.

И шершавая эта сталь,
Через руки его пройдя,
Превратится, звеня, в деталь,
Заблестит, как поток дождя.

Все быстрее машинный бег,
Шум колес, лопастей и крыл,
Тех, что выдумал человек, —
Из металла их сотворил.

Как бумагу, там режут сталь,
Можно сделать—поверьте мне —
Все, что нужно сейчас стране,
Если мастером добрым стать.

Этим мастером стану я.
Пусть получит колхоз станок.

Мастерская тогда — своя,
Не придется сбиваться с ног.

Мне подумать о том пора,
За пятнадцать ведь перешло... —
Вновь Жигер говорит с утра,
И сверкают глаза светло.

Словно только узнав сейчас,
Что пятнадцать лет позади,
Смотрит мать, не спуская глаз,
И теплеет в ее груди.

Вправду, крепкий и статный сын,
Настоящий уже джигит,
Как дубок, что среди равнин
На хорошей земле стоит.

— Я окреп, не боюсь труда, —
Сын как будто еще твердит.
И такой у него всегда
Молчаливо-спокойный вид.

Брови темные, нос прямой.
Губы сжаты, и взгляд упрям.
«Да ведь это сыночек мой,
Он опора — надежда нам».

И согласия не дает:
— Обо мне не подумал, что ж?
Ох, из города редкий год
Возвращается молодежь...

А Уржан, словно был один,
У стены в стороне сидел.

«Все старухи такие, сын!» —
Вдруг простуженно загудел.

Он откашлялся, важно встал
(В волосах его седина),
Улыбнулся, глаза поднял:
— Позволенья прошу, жена.

Побывает пускай везде,
Не мешай ему мир узнать.
Нет позора в любом труде, —
Ты же знаешь об этом, мать.

Не мешай ты его звезде.
Он ученым придет сюда.
Лишь бы честным он был везде,
Лишь здоров бы он был всегда...

Все сомнения сокруша,
Словно ехать был должен сам,
Сел и пальцами, не спеша,
Важно бороду расчесал.

— Жигержан, не спеши сейчас.
Думал: вещи собрал — пошел?
Соревнуемся. Вызвал нас,
Как вы знаете, «Тоте Жол»¹.

Добрый выдался урожай,
Хлеба много сейчас в степи.
Так что сразу не уезжай,
А до осени потерпи...

Словно птица, что мчит к весне,
Рвется сердце его к мечтам.

¹ «Прямой путь» — название колхоза.

Дни проносятся, как во сне..
Поработал, помог... А там...

До свиданья. Не надо слез.
Это ж, все-таки, торжество!
Парня в город послал колхоз —
Представителя своего.

II

Ночь течет по камням дорожным.
Тихо. Ветра почти что нет.
В общежитии молодежном
Наконец-то погашен свет.

Светит синяя лампа только,
Лишь одна, далеко в углу,
Мягкий блик уронив на койку,
Отражаясь в ночном полу.

Что ж, поищем при синем свете,
Между спящих легко пройдем
И осмотрим хоромы эти,
Паренька одного найдем.

Впрочем, стоит ли так внезапно
Нарушать его сладкий сон?
Я увижу его и завтра,
Нынче гляну лишь — здесь ли он.

Льет сияние голубое
Лампа из своего угла.
Словно войны после боя,
Хлопцы спят, завершив дела.

Свет струящийся — море точно.
Сны несутся во все концы.
В синей комнате полуночной
Спят ребята, как близнецы.

Близнецы — до того похожи!
Разве ночью их различишь?
И одежда их сходна тоже,
Что висит, дополняя тишь.

А подушки, белье какое!
У постелей отличный вид.
Будто важное, молодое
В этом доме начальство спит.

В полудреме взлетает слово —
Неразборчиво — что и как? —
Мол, отдайте, если готово, —
С кем ты там говоришь, чудак?

С боку на бок перевернулся,
Чуть глаза приоткрыл, вздохнул
И от собственных слов проснулся,
Будто сам себя в бок толкнул.

И лицо его хмурым стало,
Озабочен — не знаю чем.
У товарища одеяло
Он поправил — сползло совсем.

И вернулся потом обратно.
Стал среди комнаты... Ночь плыла...
Книгу толстую аккуратно
Взял, задумавшись, со стола

И тихонько присел у края,
Не нарушив ничей покой,

Книги этой не открывая,
Подпирая щеку рукой.

А потом приподнялся круто,
Отошел от забот и дел.
Лег в постель. И еще минута —
Сон спокойный им завладел.

Сон беспечный, о как он сладок!
Наслаждение — хороший сон,
Он смывает тоски остаток,
Вас лелеет и нежит он.

Так какая же это сила
Иль тоска по местам родным
Парня нашего разбудила,
Даже ночью владея им?

Он — «подайте!» — сказал как будто,
Голос был его очень строг.
Иль приснилась ему минута,
Как на этот взошел порог?

Если верно, Жигер, то снова
Возвратимся мы к этим дням,
Ведь об этом услышать слово
Интересно теперь и нам.

В утро первое не случайно
Ты к учителю подходил.
«Научите деталь комбайна
Сделать!» — долго ему твердил.

Тот был несколько озадачен.
Удивленье в глазах у всех.

Объяснять ты подробно начал
И услышал веселый смех.

Лишь желанье тобой владело,
Нетерпение лишь всего.
Ты не ведал, что значит дело
И токарное мастерство.

Не постигнув железа тайну
И природы его секрет,
Вот сказал ты: «Деталь комбайна»,
Ну, а толку-то в этом нет.

Бить кувалдою бесполезно, —
Только сила тебя вела.
Впереди еще — знаний бездна,
Неизведанные дела.

Хочешь мастером быть, парнишка?
Так в учении спину гни.
С головою ушел ты в книжку,
Над тобой замелькали дни.

Словно путник, жарой томимый,
Увидавший вдали реку,
Ты пустился неодолимо
К знаний светлomu роднику.

Думал — просто? Скажи на милость!
Ох, высок он, тот сладкий плод.
И краснеть тебе приходилось,
И на лбу появлялся пот.

Но, ни шагу не отступая,
Ты себе говорил: «Возьмем!»

Жил, работая и мечтая,
И в науку входил гвоздем.

Год прошел. Стали зорче взоры.
Ты порядочно вырос, друг.
И открылись тебе просторы
Удивительные вокруг.

Это ль вспомнил ты в снах несмело?
Будет видно, как говорят.
А пока что нам нету дела
До твоих сновидений, брат.

III

Небо хмурится поминутно,
И не видно на небе звезд.
Ала-Тау заметен смутно
И не виден во весь свой рост.

Листья желтые под ногами.
Но, как прежде, Алма-Ата
В неумолчном веселом гаме,
Электричеством залита.

Будто с неба спустились звезды,
На проспекты упали вниз.
Даже в парках созвездий грозди
Предвечерней порой зажглись.

Голосами степных красавиц,
Слышь, арыки во тьме поют.
И деревья, воды касаясь,
С упоением влагу пьют.

Четко, словно сердцебиенье,
Город мирный живет трудом.
Ни простоя, ни замедленья, —
Даже ночью — почти как днем.

Город мой, ты, ночей не зная,
Нас сиянием ослепи.
Ты, столица моя родная,
Город мой, посреди степи.

А просторы кругом какие!
Средь разбуженной тишины
Заводские гудки ночные
Далеко по степи слышны.

И при мягком настольном свете, —
Ладно скроен да крепко шит, —
Поздно вечером в кабинете
Пожилой человек сидит.

Да, в усах у него сединки,
Будто в первом снегу листва.
На лице у висков морщинки,
Поседевшая голова.

Все же молодость бродит снова,
Словно в юноше, в нем, точь-в-точь.
Вид его говорит сурово
Грозным голосом: «Старость, прочь!»

Крепок, строен и смотрит зорко,
Видно, есть еще в нем запал.
Вот одернул он гимнастерку,
Телефонную трубку взял,
Книжку адресную листая:

— Иванов? Не видал сто лет!
Это я говорю — Естаев.
Точно, из ФЗО... Привет!

Ничего. Все в порядке дома.
Здесь работаю. Замполит.
Это дело тебе знакомо...
Рана старая не болит?

Наши? Хлопчики боевые.
Слушай, завтра один зайдет
К вам за паспортом. Да, впервые.
Ты прими его сам... Вот-вот.

Это будет ему приятно.
Звать Уржанов Жигер его.
Что? И так принимаешь? Ладно.
Ну, желаю тебе всего...

Взял часы со стола простого
И задумчивым стал чуть-чуть.
О Жигере подумал снова
Или собственный вспомнил путь?

Путь, достойный во всем примера, —
Бой за будущий праздник наш.
Много больше, чем жизнь Жигера,
У него лишь партийный стаж.

Человек боевого склада, —
Большевик. Видел дым атак.
И оценки другой не надо,
Если зваться достоин так.

... Время позднее. Тень большая
На высокой стене дрожит.

День наполненный продолжая,
Все сидит еще замполит.

Вид способного сдвинуть гору,
Несдающегося борца.
Видит мысленным добрым взором
Облик каждого молодца.

Видит ясно, хотя их много,
Видит дружную их семью,
Будто тот командир, что строго
Проверяет солдат в строю.

И в вечернюю эту пору
Сто вопросов пришло к нему.
Как оставишь их без разбора?
И глядит замполит во тьму.

«Не проверили план работы.
Жаль, комсорг уже спит сейчас.
Впрочем, что я? Пусть спит в охоту, —
Он еще молодой у нас...

... У завхоза — пороков масса,
А не видит он их, беда.
... Нынче мастеру-то Имашу
Шесть десятков сравнялось... Н-да...

Славный мастер... подумать надо,
Чтоб подарок был первый сорт...
... А директор-то, вот досада,
Болен. Ехал бы на курорт.

... Завтра будет политучеба,
Надо Ленина почитать.

Молодежь у нас рвется, чтобы
Знания просто, как хлеб, глотать...»

Наконец подошла усталость,
Да, работает он давно.
Постоял и, помедлив малость,
Широко растворил окно.

«Ну, еще посижу немножко,
Да и хватит, всему свой срок...»
Будто силы занес в окошко
Набегающий ветерок.

* * *

Ала-Тау снежноголовый—
Ввысь вознесшийся великан.
Над его головой суровой
Солнце яркое, как тюльпан.

Солнце движется и дымится,
Словно вылезло из воды.
И проснулась моя столица,
Зашумела на все лады.

Тот отправился на работу,
На учебу другой идет.
У поэта — свои заботы:
Вслед за строчками — взад-вперед...

ФЗО пробудилось наше.
«Утро солнечное, привет!»
(Ночничок в уголке погашен,
Ни к чему его синий свет).
Голосам в общежитье тесно,
Зазвенели по этажам.

Будто милую сердцу песню,
Их услышать приятно нам.

Встали юноши в волнах света,
Словно воины. Как стена.
Одинаково все одеты,
Будто мать у них всех одна.

И меж ними Естаев тоже,
И, наверное, так навек —
Сердцу хочется к молодежи, —
Беспокойный он человек.

Бритый, бодрый, молодцеватый,
Не заметно, чтоб он устал.
Поучиться бы вам, ребята, —
Лег позднечко, да рано встал.

Он шутя говорит, вздыхая:
— Я натуру узнал свою.
На работе я отдыхаю,
От безделья устаю...

И среди молодого шума
Вышел он в ежедневный путь,
Угадать их стараясь думы,
В душу каждому заглянуть.

Как в раскрытую книгу глядя,
Тайну всякую разглядит.
Пусть молчишь ты упрямства ради, —
Разгадал тебя замполит.

— Как дела? Побывал в больнице?
— Повидался с отцом? Ну, вот...

— Что, ботинок не жмет? Годится?

— Справку дали? Пойдет, пойдет...

И вопросов подобных — сотня.

— Друг, как завтрак сегодня? Да?..

Так не только сейчас, сегодня,

Нет, такой он давно, всегда.

Повернулся вполоборота:

— Что ты видел, Жигер, во сне?..

И Жигеру напомнил что-то,

Ускользнувшее в тишине.

Заглянул ему прямо в душу,

Изменился, суровым стал:

— Да, едва не забыл, послушай...

И в словах зазвучал металл:

— Это что у тебя за бремя,

Что ты ночью без сна сидел?

Есть свое, как известно, время

Для учебы и прочих дел.

Есть положенный распорядок,

Дисциплина — вот наш закон.

Сон быть должен глубок и сладок,

Чтобы силы восполнил он.

Не сидит ученик прилежный

Ночью темною за столом,

Потому что всегда, конечно,

Время есть у него и днем.

Знаю, учишься хорошо ты,

Хочешь лучше. Но для того,

Чтоб удачной была работа,
Знай, здоровье важней всего...

Так сказал он, сурово в меру,
Сам подумал: «Дошло, пострел?»
И в лицо поглядел Жигеру,
Улыбнулся и подобрел.

Не спеша он идет вдоль строя,
Как по солнечному лучу.
И кого-то из них порою
Даже хлопает по плечу.

... На ученье пошли питомцы,
Им пятнадцать-шестнадцать лет...
Он, прищурив глаза от солнца,
С удовольствием смотрит вслед.

IV

А назавтра Жигер дорос, —
Паспорт свой получал впервые.
«Как?» — читатели шлют вопрос, —
Знать ведь хочется — молодые.

Принял юношу Иванов
И вручил ему паспорт твердый.
В краткой речи, без лишних слов,
Рассказал о задаче гордой.

Были эти слова ясны
И стояли в стальном порядке,
Так отчетливы и сильны,
Горделивы, спокойны, кратки.

— Поздравляю тебя, Жигер!
Будь достойным Страны Советов,
Гражданином СССР...
И окончилось все на этом.

Но простые слова его,
Словно сразу слились с душою,
В сердце вызвали торжество,
Стали радостью—и большою.

«Стать достойным своей страны.
Нет, наверное, выше цели...»
Так он думает,

вдоль стены
По широкой идя панели.

В такт помахивая рукой,
Он шагает, плечистый, сильный,
И немножечко не такой,
Как видали при лампе синей.

Стук ботинок звучит в ушах,
Вид устойчивый, — заглядеться! —
И отстали на целый шаг
Легкомыслие, шалость, детство...

Он решительно хмурит взгляд,
Хочет старше он стать заранее.
Словно зрелости аттестат —
Паспорт ныне лежит в кармане.

Грудью чувствует он слегка
Сквозь подкладку его обложку.
То и дело — в карман рука:
«Здесь!» — и снова, спустя немножко.

Бодро он продолжает путь.
Вынул. Смотрит. Вот прячет снова,
Захотелось опять взглянуть, —
Доставай, — ничего плохого!

Паутинок прозрачных вязь
Под осеннею синевою.
Он проходит не торопясь,
С гордо поднятой головою.

Но не видит никто кругом,
Что он радостен небывало.
Счастье вхоже в любой наш дом,
В жизни радости есть немало.

Не в обиде Жигер на них,
Что никак не замечен ими.
Нет, он хвастаться не привык,
Счастлив тем, что в ряду с другими.

Прочно паспорт лежит его,
Как свидетельство и как вежа.
В нем высокое торжество
И достоинство человека.

С этим паспортом степь свою
Он измерит под синим небом,
Но не будет в чужом краю —
За работою и за хлебом.

Смотрит юноша с высоты,
И мечта его золотая
Вновь рождается от мечты,
Мир огромнейший облетая.

— Человек я и гражданин! —
Радость рвется в груди потоком —

Я великой державы сын!
Буду мастером, юный токарь!

Хватит сил у тебя или нет?
Ведь дорога еще крутая...
— Я на это давал ответ
Год назад, в комсомол вступая.

Комсомольский билет родной
Я храню, им душа согрета —
И считаю его одной
Я страницей партбилета...

Словно птица по небу вплавь —
Так мечта повела с собою.
Это, знать, не мечта, а явь,
Что зовет овладеть мечтою.

В общежитье Жигер вошел,
А друзья его так встречали,
Будто он из равнинных сел,
Из далекой вернулся дали.

... Я желаю тебе всех благ.
Так храни же ты паспорт этот,
Словно юности вечный флаг,
Герб великой страны Советов.

V

Пусть просторная мастерская
Нынче вступит в свои права.
Здесь ты учишься, достигая
Высочайшего мастерства.

У Жигера проворны руки,
Им доступен уже металл.
Тайны этой большой науки
Парень сердцем воспринимал.

Здесь он бился, нахмурив брови,
Постигая работы суть,
К испытаньям себя готовя,
Видя дальний и светлый путь.

Пусть прочитано книг немало,
Ну, а спрашивать будут здесь.
Все храни в голове с начала,
Помни, каждое слово взвесь.

«Что ты знаешь?» — услышишь фразу,
И вопрос этот будет строг,
И отметку поставит сразу
Справедливый судья — станок.

У станка чуть дрожит все тело,
Лоб широкий в густом поту.
Токарь режет железо смело,
Сердцем тянется в высоту.

И растет в свои силы вера,
Сердце бьется с машиной в лад.
И, прищурясь, глаза Жигера
За работой сейчас следят.

Все в порядке. Деталь готова.
«Что ж, давай!» — старый мастер сам
Измеряет ее сурово,
Проверяет по чертежам.

«Брак заведомый! Не годится!» —
Будто гром разразился вдруг.

Как в тумане, он видит лица,
Что, мелькая, плывут вокруг.

То сочувствуя, ободряя,
Повернулись к нему друзья.
Он стоял, пораженный, с краю,
Думы грустные затая.

— Вот. На полмиллиметра надо
Больше взять бы, — сказал Имаш, —
Помни, любит металл порядок, —
Что без точности труд-то наш!

Чтоб урок этот был полезен,
Ты покрепче запомни тут —
В каждый малый вершок железа
Человеческий вложен труд.

Пусть кусочек мельчайший самый
Нам на пользу идет. Смекни!
И запомни: металл упрямый,
Ну, сначала, давай, начни!..

Пареньку разговор с Имашем
Тяжким грузом на плечи лег.
Ладно, может, еще покажем!..
Снова плавно пошел станок.

— В темпе, в темпе веди работу!
Оборот еще слишком мал!
А о качестве помнишь? То-то... —
Так Имаш его поучал.

Шла работа. И люди ждали,
Как решится судьба сейчас.

Беспокойно друзья стояли,
Не сводили с Жигера глаз.

Тлеули — добродушный малый,
Строгий, хмурый всегда Мурат, —
Все боялись его провала,
Будто был бы им кровный брат.

И Жигера дружок хороший,
Их комсорг Николай стоял.
Зубы сжав, наблюдал он тоже, —
«Что ж ты, друг?..»
И звенел металл.

— Проверяйте! Уже готово!..
(Вздох в груди не сдержать никак!)
И опять прозвучало слово,
То жестокое слово «Брак!..»

Болью, жалобой — не иначе —
Засветились глаза друзей,
Словно горькая неудача
Их коснулась еще сильнее.

Тлеули свой возвысил голос:
— Отклонение ведь пустяк,
Не на палец, всего на волос, —
Сразу вы говорите: «Брак!»

Старый мастер взглянул сурово,
Старый мастер прищурил взгляд:
— Тлеули, что я слышу снова?
Иль, ты думаешь, адвокат?

«Пустяки» — стало очень старым
То понятие давным-давно,

И другое на место встало:
«Выше качество!» — вот оно.

Голос твой, он приятен, сладок,
Но ты смолоду привыкай
И товарища недостаток
«Пустяками» не называй.

Не подыскивай утешенья,
Ибо главное — мастерство...
И спокойный в своем решении,
Николай поддержал его.

А Жигер, он себе ошибку
Не прощал, а наоборот.
Не твердил, как иной, с улыбкой:
«Это все ерунда, пройдет...»

Перед совестью он свою
Краской вспыхивал от стыда.
Это было всего труднее,
Это было грозней суда.

* * *

Сколько всяческих здесь затей,
Клуб сияет огромен, весел.
Молча ждет дорогих гостей
Строй удобных и мягких кресел.

Бархат занавеса крылом
Задрожал и поднялся, плотный,
Сколько вкуса везде кругом,
Сколько радости беззаботной.

Хор запел. Голоса взвились.
Песня вдаль поплыла такая,

Будто сокол с утеса ввысь
Взмыл, о радости возвещая.

Заиграл оркестр духовой,
Как торжественный глас металла.
И мелодия над головой
Удивительная витала.

Танцы вспыхнули горячо,
Может, чуточку неумело...
А недавно совсем еще
Молодежь во дворе шумела.

Тот играть в волейбол привык,
Не давая мячу покоя,
Тот освоил давно турник,
Выжимаясь одной рукою.

Научили их тут всему:
Извлекать из гармонии звуки,
Спорту, танцам, ну, и уму, —
Чтобы были бы на все руки.

Есть способность — иди в кружок,
Хочешь — тысячи книг бесценных.
Интерес ко всему зажег
Срок, прошедший вот в этих стенах.

В этот вечер Жигер сидел,
Полный злости, уткнувшись в книжку,
И на улицу не глядел,
Как нашкодивший впрямь мальчишка.

Все ребята ушли свои,
Как хотелось пойти за ними!

Он неплохо играл кюи, —
Собирался исполнить ныне.

Но в груди еще был запал,
Как и прежде всегда бывало.
Он ответа в томах искал
И причину того провала.

За окошком уже темно,
На площадке не слышно шума.
Тут позвали его в кино,
«Не пойду»,—отвечал угрюмо.

Окончательный был отказ.
И друзья догадались мигом, —
Он теперь не поднимет глаз,
Будет молча сидеть над книгой.

Не боится Жигер труда:
Тоже труд—подзаняться малость!
Ведь сначала ему всегда
Не особенно все давалось.

Но теперь он передовой,
Но теперь он кругом хваленый.
Отчего же провал такой,
Будто он — лишь юнец зеленый?..

... Вдруг к нему Николай вошел,
Гимнастеркой обтянут туго.
Тихо облокотясь на стол,
Точно то же спросил у друга.

— Ты не следователь! — ворча,
Поспешил тут Жигер с ответом, —

Жизнь вперед и вперед стремится,
Изменяет природу труд.
Дни над степью летят, как птицы,
Реки новым путем текут.

За короткое время это
Тянут фабрики трубы ввысь.
Над аулами волны света,
Лампы звездочками зажглись.

И дома поднимают крыши,
И колосья шумят вдали.
И ребята уже повыше,
Да и новые подросли.

В ФЗО, нам давно знакомом,
Их проходит житье-бытье,
И считают почти что домом
Общежитье они свое.

Над страну звенящим строем
Время быстрое пронеслось.
Что же стало с моим героем?
Иль вернулся он в свой колхоз?

В необъятных цехах завода,
Где работа идет давно,
Гул машин отражают своды:
«С нами пойте вы заодно!»

Плавят сталь. И тяжелый молот
Поднимается в высоту.
Ощущает, кто сердцем молод,
Словно радостную волну.

А в токарном — глазам отрада:
Как в строю на поверке — в ряд
Молодые совсем ребята
У токарных станков стоят.

И у каждого — дела много,
И работают — хоть куда.
Будто песню светло и строго
Исполняет ансамбль труда.

Вон диктует металлу хмуро
Нынче волю Мурат свою.
И еще я одну фигуру
Сразу издали узнаю.

К сердцу кровь поступает срочно
По сосудам у нас у всех,
Снова, снова... И так же точно
Чертежи поступают в цех.

И в волнение своем высоким
Наклонившись над чертежом,
Улыбнулся чему-то токарь,
Как над нотами дирижер.

То герой мой — в гуденье цеха.
(ФЗО уже за спиной)
Пожелаем ему успеха
В этой новой семье родной.

Лучшей радости нет, скажу я,
Повстречал тут Жигер свою
Пролетарскую да большую,
Замечательную семью.

Помнишь первой зарплаты время?
Дым, над трубами пливший ввысь?
Ты трудился в цеху со всеми,
Крылья силою налились.

А сперва ты вставал устало...
А успех первый помнишь свой?
Нынче слышаться реже стало:
«Молодой еще, молодой!..»

И его уже не пугает
Для комбайна теперь деталь.
И как будто душа другая
У металла — покорна сталь.

Токарь видит большие дали,
Что зовут его все сильней,
И отчетливые детали
В испытаньях грядущих дней.

Дали мысленно облетая,
Видит кряду который год:
Степь колышется золотая,
Он комбайн по степи ведет.

И деталь поступает в сроки,
Вся как зеркало—благодать!
В ней замеченные пороки
Он своими готов признать.

И деталь не одна, а много.
И шумящая степь видна.
И торопит уже дорога,
На которой их ждет страна.

Вот закончил Жигер и сразу
Крикнул громко: — Заказ готов!
Что там? Новые где заказы?
Где там мастер-то наш, Фролов?..

Ох, торопится!.. Вьется стружка...
И Иваныч идет к нему:
— Это, брат, тебе не игрушка.
Что шумишь ты, я не пойму...

— Да спешу. И скажу вам смело,—
Время жаркое началось.
Где б я ни был и что б ни делал,
Предо мною встает колхоз.

Он встает из далекой дали,
Тот родной с малолетства вид.
Нет, быть может, одной детали,
И комбайн средь хлебов стоит.

А ведь дали мне в путь наказы
И родители и колхоз,
Чтоб я их не забыл ни разу,
А берег и с собою нес...

Смотрит мастер его работу,
(Самый строгий на весь завод.)
Проверяет, бормочет что-то,
Наконец говорит: «Пойдет!»

И как-будто к словам Жигера
Лишь теперь появилась вдруг
У Фролова большая вера, —
Улыбнулся, взглянул вокруг:

— Это, верно, всегда так было,—
Если верит тебе народ,
В этом радость и в этом сила,
Можешь смело идти вперед.

У станка о колхозной доле
Ты подумал, Жигер, сейчас.
А колхозники где-то в поле
Нынче думают, брат, о нас.

Это счастье, Жигер, такое
Средь мелькающих дней больших,
Что лишаемся мы покоя,
Дел текущих не завершив...

Так Иваныч, их мастер старый,
Говорит, улыбаясь в ус,
Да, он учит ребят недаром,
Виден к этому делу вкус.

Вспоминает он путь свой длинный.
Много значит он в их судьбе.
Сам же крепнет, как дуб равнинный,
Добавляя листвы себе.

— Я припомнил, Жигер, ту пору
Как ты прибыл сюда, сынок.
Взять не мог ты не то что гору —
Нормы первый же бугорок.

Помню я, тебе стыдно было,
И понравилось мне тогда,
Что живет в тебе честь и сила,
Настоящий задор труда.

Ты ко мне: «Это что такое?» —
Подходил чуть не каждый миг,
Приставал, не давал покоя.
Ну и что ж, своего достиг.

Да, прилачился, стал справляться,
И твое мастерство растет.
И тобой земляки гордятся,
И доволен тобой завод...

Ах, какое простое слово:
«Земляки» — и Жигер вздохнул.
Призадумался он, и снова
Пред глазами родной аул.

Получил я письмо из дому,
Шлет мне мать свой большой привет,
Сыну пишет она родному, —
Мол, в газете его портрет.

«Поняла я и сердцем рада,
Что ты правильный выбрал путь.
Посмотреть бы, приехать надо, —
Собираюсь я как-нибудь».

— В заключение — вот задача —
Пишет: «Все же ты обманул»...
«Обманул» — это, мастер, значит —
Не вернулся домой, в аул.

Возвратиться им дал я слово
И работать, сколь хватит сил.
Для колхоза ведь я родного
И пойти в ФЗО решил.

От обещанного не стану
Я отказываться сейчас,
Но сперва пусть станок достанут,
Нет в колхозе станка у нас...

Мастер выслушал, по секрету
Парнем сказанные слова.
— Скоро сбудется, брат, и это.
Скоро вступишь в свои права.

И вернешься без всякой позы,
Труд твой — ценится он сейчас.
И соседние все колхозы
Ты обслужишь еще не раз.

А потом и в других аулах
Будут токари — так и знай...
И среди заводского гула
Мастер вымолвил:—Начинай!..

— Погодите. одно лишь слово! —
Тут взмолился Жигер опять..
И опять подошел к Фролову,
Не решаясь еще сказать:

— Мастер, мысль у меня простая.
Если б только я это смог!
Понимаете, я мечтаю
Для колхоза создать станок.

Чтоб кузнец бы его освоил
И управился со станком.
Да, чертеж мой готов. Его я..
Покажу его вечером...

В руки взял свой чертеж Уржанов,
Мастер будущий молодой...
Славный возраст дерзаний, планов,
Под счастливой горит звездой.

В сердце выполнен он тобою, —
Сразу крылья ты распростер,
Словно крепость ты занял с бою,
Словно новый открыл простор.

Дни промчатся. Но снова, снова,
Мастер, вспомни об этом дне, —
Ощущенье труда большого,
Радость в сердце, лицо в огне.

И с любовью —
 за дальней далью
Будет видно его глазам:
Нужной жизненной деталью
Показался себе он сам.

И открылся пред ним, как в призме,
Тот летящий вперед большак, —
Мир,
 что будет при коммунизме,
Вдруг приблизясь еще на шаг.

Жизнь Жигера еще вначале,
Но огромна и хороша.
И сияющими лучами
Осветилась его душа.

О великая мать-держава!
Кто б стерпел — не любить тебя!

Ты дала нам большое право,
К жизни вызвала нас, любя.

И жигеры идут без края,
И заря уже занялась...
— О, спасибо, страна родная
И советская наша власть!

1950 г.

МАЛЫЙ ТУРКСИБ

Поэма¹

*Сегодня исполнилось мне тридцать шесть.
Не хочется мне в самохвальщики лезть,
Но нашей Республики быть одногодком —
Большая удача, немалая честь.*

*Не зря для меня эти годы прошли:
Они не растаяли где-то вдали,
Они раскрывались, подобно тюльпанам,
Как дети большого семейства, росли.*

*Я сути своей биографии рад.
Пусть зрелые песни сегодня звучат —
Всю жизнь вспоминая, их честно слагаю,
Как бывший юнец и бывалый солдат.*

*В степи я родился, в степи подрастал,
В степи из ребенка мальчишкою стал —
На палке своей, оседлав ее лихо,
По пояс в цветах, словно всадник, скакал.*

*Я знал твою землю, раздольный мой край,
Учился красотам твоим невзначай.
Но были совсем неизвестны мне в детстве
Ни пламенный Пушкин, ни мудрый Абай.*

¹ Сокращенный перевод.

*Минувшее детство я вспомнить готов
Как детство снегов и как детство цветов —
Ведь некому было дарить мне в ту пору
Крылатых машин, заводных поездов.*

*А впрочем, мы вправе сказать без стыда:
Их нашей стране не хватало тогда —
Не много летало вверху самолетов,
Не часто ходили внизу поезда.*

*В те годы лишений и классовых битв
Был Павлик Морозов врагами убит.
Недаром, как мать, это детское имя
Доныне страна с уваженьем хранит.*

*Мой край небогатый стал краем стальным,
Бегут эшелоны, один за другим.
Прими же, Республика, эту поэму,
Как малую дань достиженьям твоим.*

I

Где горная речка и ночью и днем.
Ворочает камни в стремленье своем,
Как девичий стан, извивается в пляске,
Звенит, словно белая цепь, серебром,

Где шалью зеленой весна поскорей
Укрыла прямые стволы тополей,
Где в солнечном мареве мог ты услышать
Лишь гам ребятишек да гогот гусей —

Сегодня спешит и толчется народ,
Торопится юркий пробиться вперед,

И гомон парадной толпы покрывая,
Как тот петушок, паровозик орет.

Спеша поскорее на голос гудка,
До всех доносящийся издалека,
Нестройно колышались кепки и шляпы,
Торопятся ситцы, мелькают шелка.

Отцы или деды ведут малышей,
Держа их ручонки в ручище своей.
Сынок мой в рукав уцепился и тянет:
— Ну, папа, иди же за мной побыстрей!

Тут город — не жаль для детей ничего! —
Построил дорогу для детства всего.
Ее окрестили мы Малым Турксибом,
Как сына Турксиба большого того.

Так детскую город дорогу открыл.
И я на открытии с мальчиком был.
Со щедростью война Павлик Морозов
Ей славное имя свое подарил.

* * *

В наполненный светом и гомоном зал,
На слет пионеров я как-то попал —
Меня, журналиста, послала газета,
Чтоб я информацию краткую дал.

Я слушал, среди размышлений своих,
Задорных девчуток, мальчишек лихих.
Дорогу железную — ишь вы какие! —
Они предлагали построить для них.

Я думал с усмешкой: чего у них нет?
Дворцы и театры, кино и балет.

А мы в наши детские годы не знали
Ни досыта хлеба, ни вдосталь конфет.

Не то позавидовал я ребятам,
Не то обозлился, бурча в стороне,
Но в общем, как помнится, их предложенье
В блокнот не хотелось записывать мне.

Однако же мой молчаливый загиб,
Безмолвно рожденный, бесславно погиб.
Решение вынесли люди большие:
Построить для маленьких Малый Турксиб.

В тот год, замышляя большие дела,
Страна моя в гору решительно шла —
Огромная карта Советской России
Флажками строительства покрыта была.

Наш Малый Турксиб был действительно мал,
Никто его делом большим не считал,
И в Главный Закон пятилетнего плана,
Средь строек других он — увы! — не попал.

Ответьте — обида уместна ли тут?
Кипит, вдохновляемый юностью, труд.
Строители в парке казахской столицы
Смолистые шпалы под рельсы кладут,

Растет, поднимается детский вокзал,
Уже он похожим на здание стал.
И взрослый и юноша — с радостью каждый
Строительству лепту посильную дал.

Уже семафоры прямые торчат
И рельсы под утренним солнцем блестят.

Огнем пионерские галстуки вьются,
И кепки рабочие в воздух летят.

Стоит, окруженный веселой толпой,
Смущенный вниманьем путеец седой.
Все знают, что строит он оба Турксиба:
Для маленьких—Малый, для взрослых—Большой.

Мужчины и мальчики рядом стоят,
Наполнен у каждого радостью взгляд...
Как вдруг произнес со столба репродуктор:
«Пхеньян. Чужеземцы столицу бомбят».

И сразу, мгновенно в аллеях сквозных
Веселье угасло и гомон затих.
И матери, нежно прижав ребятишек,
Задумались тихо о детях чужих.

В Корее свинцовая хлещет метель,
Рзят пулеметчики мирную цель;
И мать, обезумев от слез, обнимает
Пустую, как брошенный дом, колыбель.

В пылающем небе фугаски визжат,
Мосты от прямых попаданий горят,
А возле железной дороги, в ожогах
Скелеты вагонов безмолвно лежат.

Проклятая бомба разрушила дом,
Где песни писались за низким столом —
Лишь только случайно листок обгоревший
Трепещет, как траурный флаг, над окном.

Наемники землю калечат и жгут,
Но песню они никогда не убьют —

Недаром же красную песнь Те Ги Чена¹
Бойцы, словно знамя, в атаку несут.

Вы били бандитов и будете бить.
Не будут они по Корею ходить.
Наемным штыком, интервентскою пулей
Народ возрожденный нельзя подавить!

Корея похожа на крепость в дыму.
Свободу она не отдаст никому.
Народ-богатырь утвердился в окопе,
Сынишки подносят патроны ему.

Так думали все мы, потупивши взор,
Чуть слышно прохлагою веяло с гор.
И голубь, паривший над утренним парком,
Спустился, как символ, на наш семафср.

II

Толпа разлилась, как весной Сыр-Дарья,
Всем встречным, без счету, улыбки дая.
Как ярмарка радости, гомон вокзала,
И льется из солнца поток янтаря.

Глядит с восхищеньем мой резвый сынок —
Вокзал, по его представленьям, высок.
Но я то, конечно, отлично заметил,
Что он словно спичечный тот коробок.

И все же он дорог мне, этот вокзал.
С годами я, видно, бесстрастным не стал:

¹ Те Ги Чен — знаменитый поэт Кореи, погибший от американской бомбы.

Далекая юность припомнилась сразу,
Твои семафоры и рельсы, Урал.

Но вот «пассажиры» к вагонам идут.
Взойти по ступенькам — не маленький труд.
Иной по пути отдыхает три раза,
А все остальные томительно ждут.

Но я на ребят не гляжу свысока —
Решительность их мне мила и близка:
Они бы на ИЛы вскарабкались так же,
Да нет для детей самолетов пока.

Слегка растерявшись от крика ребят,
Старик со старухой поодаль стоят.
Но вот и они поднялись по ступенькам,
Держа на руках круглолицых внучат.

Один по перрону, от страха далек,
Степенно шагает мой малый сынок.
С игрушками схожи вагончики эти,
А сам паровоз-то всего с ноготок!

Девчурка с огромным букетом в руках
Стоит и смеется в открытых дверях.
И алою бабочкой бант кумачовый
Трепещет от ветра в ее волосах.

Но вот и дежурная с желтым жезлом
Сурово шагает в убранстве своем,
И волосы детства под красной фуражкой
По-взрослому стянуты крепким узлом.

Я, право, хоть час, любоваться готов
Работою маленьких проводников:

С трудом поднимают они карапузов,
С почтением подсаживают стариков.

Звонок! Настоящий вокзальный звонок!
Перронные зрители хлынули вбок,
И громко, всюю, закричал паровозик,
Как утром, со сна, молодой петушок.

Перрон провожает нестройной толпой,
Желая удачи в дороге большой —
Пускай поглядят на далекие земли
И благополучно вернутся домой!

Мы едем! Свисти, паровозик, гуди!
Мои размышленья бегут впереди.
Я вовсе не мальчик — скажи, отчего же
Волнением стиснуто сердце в груди?

Ведь я в путешествиях трудных бывал,
Не раз в самолетах высоких летал
И слышал походные марши оркестров,
Когда еще в тесных пеленках лежал.

Я землю не только видал из окна —
Тебя я изъездил, большая страна.
Мальчишкой скакал я, как всадник, на палке,
А в юности смело седлал скакуна.

Я все свои годы в движении был:
Ходил на охоту, в походы ходил,
По заводям тихим и вертким стремнинам,
Средь гребней кипящих размашисто плыл.

На Яике бурном, отсюда вдали,
В садах мои юные годы прошли.

Я слышал, как трактор советский заставил
Забиться уснувшее сердце земли.

В далеких пределах я с армией был,
На жестких подошвах мозоли набил.
Дорожные камни, отроги Европы,
Я вас и до нынешних дней не забыл...

Нельзя было нам от других отставать,
Пришлось широко нам по жизни шагать.
Когда замерзали мы в зимних метелях,
К груди прижимала нас Родина-мать.

Весеннее время и грозный мороз
Я вместе с народом своим перенес,
И этот пример завещаю сынишке:
Хочу, чтобы он по-отцовскому рос.

...Заливисто наш паровозик свистит,
За окнами зелень неспешно бежит.
Со мною в вагоне немного поодаль
Тот самый старик со старухой сидит.

Гляжу я любовно на старцев седых —
Они молодеют среди молодых,
И меньше, мне кажется, стало морщинок
На лицах смущенно-торжественных их.

Старик-горожанин, а может степняк,
Не может насытиться счастьем никак
И часто к своим обращается внукам
С одним неизменным вопросом: «Ну, как?»

Как будто он, радуясь сердцем простым
Тому, что мы лихо по рельсам бежим,

Бойтся, что это свистящее чудо
Не так, как хотелось бы, нравится им.

А возле окна черноокий джигит
С красавицей златоволосой стоит
И что-то ей на ухо шепчет неслышно
И только в лицо ее нежно глядит.

О чем он красавице может шептать?
Откуда об этом могу я узнать?
И кто же осмелится встать меж влюбленных,
Рискуя огонь их сердец испытать?

А шумные стайки довольных детей
Живут, как положено, жизнью своей:
У окон открытых нестройно теснятся
И спорят — все громче и все веселей.

Сквозь гул, монотонный и слитный сперва,
Отдельные я различаю слова:
«Ребята! Кто эту дорогу построил?»
«Москва!»
«Вот придумал!»
«Конечно, Москва!»

А вдоль полотна, ожидая с утра,
Стоят пешеходы, снует детвора,
И все нам приветственно машут руками,
Кидают цветы, восклицают «Ура!»

III

Опять со стараньем гудит паровоз,
Мелькает листва тополей и берез.
«Ребята! Кто эту дорогу построил?»
Хочу я парнишке ответить всерьез.

Совсем не намерен рубить я плеча.
Что толку — ответить ему сгоряча.
И вот предо мною уже возникает
Живое, большое лицо Ильича.

Он вместе со мною всю жизнь мою был —
Всегда в своем сердце его я хранил.
Истории занавес медленно взвился—
И прошлое родины тихо открыл:

Шакалами царскими Саша убит,
Повешен и в землю глухую зарыт.
«К победе пойдем мы другою дорогой»,—
Вчерашний курчавый малыш говорит.

Ему зачинателем быть суждено.
Пускай над Россиею небо темно —
Из искры одной возгорается пламя,
И вот уже землю объяло оно!

Ильич нашу партию в битвы ведет.
Он всех вдохновляет и все создает.
О ты, Революция пятого года!
Великий Октябрь и великий народ!

Он сам, хоть опавшие щеки бледны,
Стоит у кормила гражданской войны
И сам подымает тяжелые бревна
На первом субботнике нищей страны.

Я вижу, хоть времени много прошло,
Как он, излучая глазами тепло,
Засунув подвижные руки в карманы,
Склонился над картой большой ГОЭЛРО.

А память все дальше и дальше ведет,
Иная картина пред нами встает:
Украшена скромно зеленая елка,
Ильич вместе с Крупской в гостях у сирот.

В тот вечер — хоть этого я не слышал —
Он с шумным азартом детей развлекал,
И сидя меж ними, об этой дороге,
Конечно же, он ребятам рассказал.

Тюрьма и подполье. Семнадцатый год.
Развернутый фронт всенародных работ.
От ленинской жизни, от слов Ильичёвых
И эта дорога начало берет!

1957 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Песня не умирает (поэма) — перевод <i>Константина Ваншенкина</i>	7
Двадцать пять. Перевод <i>Михаила Луконина</i>	29
Радость гражданина. Перевод <i>Павла Железнова</i> . 31	
На востоке родина моя. Перевод <i>Федора Мельникова</i>	33
Новость. Перевод <i>Федора Мельникова</i>	34
Песни родного края	
Песня первая. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	35
Песня вторая. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	36
Песня третья. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	37
Песня четвертая. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	39
Песня пятая. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	41
Дымок аула. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	43
В мавзолее Ленина. Перевод <i>Федора Моргуна</i>	44
Куванышу. Перевод <i>Николая Титова</i>	46
В родном ауле. Перевод <i>Николая Титова</i>	47
Лучи ленинизма. Перевод <i>Николая Титова</i>	49
Памятник. Перевод <i>Николая Титова</i>	50
Дума. Перевод <i>Николая Титова</i>	51
Мы поем. Перевод <i>Николая Титова</i>	52
Голос Украины. Перевод <i>Валерия Антонова</i>	53
Песня дружбы. Перевод <i>Валерия Антонова</i>	55
Мы за мир. Перевод <i>Ивана Законова</i>	58
Кто виноват? Перевод <i>Ивана Законова</i>	59
Москва. Перевод <i>Ивана Законова</i>	60

Говорит Москва. Перевод <i>Ивана Законова</i> . . .	61
Московское время. Перевод <i>Ивана Законова</i> . . .	63
Родина. Перевод <i>Ивана Законова</i>	64
Легенда о дороге. Перевод <i>Ивана Законова</i> . . .	65
Встреча. Перевод <i>Александра Жовтиса</i>	68
Родник. Перевод <i>Константина Ваншенкина</i> . . .	72
Колхозная девушка. Перевод <i>Константина Ваншен-</i> <i>кина</i>	73
Товарищ. Перевод <i>Николая Сидоренко</i>	76
Красный галстук. Перевод <i>Александра Жовтиса</i> . . .	77
Светлый путь (поэма). Перевод <i>Константина Ван-</i> <i>шенкина</i>	83
Малый Турксиб (поэма). Сокращенный перевод Ярослава Смелякова	121

Редактор *Л. Кривошекс*
Художник *К. Хамитов*.
Техредактор *П. Вальчук*
Корректор *Л. Кравченко*

Сдано в набор 30/VIII-57 г. Изд. № 245.
Подписано к печати 20/XI-57 г. Бумага
70×108 = 4,25 п. л—5,82 усл. п. л. (Уч.-изд.
4,89 л.). Тираж 4 000 экз. Цена 3 руб. 5 коп.

Алма-Ата, типография № 1 Главиздата
Министерства культуры КазССР.
Заказ № 1304.

75-00

3-руб 05 коп.